

Холодное

Море

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Джордж Ессан
Холодное Море

«Автор»

2026

Ессан Д.

Холодное Море / Д. Ессан — «Автор», 2026

Почему человек, преодолевающий половину земного шара, вместо новых и приятных впечатлений находит лишь боль и дискомфорт? Одна случайная встреча решает судьбу людей на всю жизнь. Несмотря на расстояние, любовь сближает их, и вопреки всем преградам они остаются вместе до самого конца, до самой смерти. Эта книга - о любви, власти, дружбе и выборе.

© Ессан Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть 1	6
Глава 1	7
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	14
Глава 6	16
Глава 7	17
Глава 8	18
Глава 9	20
Глава 10	22
Глава 11	24
Глава 12	26
Глава 13	28
Глава 14	30
Глава 15	31
Глава 16	33
Глава 17	36
Глава 18	38
Глава 19	41
Глава 20	44
ЧАСТЬ 2	46
Глава 21	47
Глава 22	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Джордж Ессан

Холодное Море

Тому, кто стал началом моей самой светлой истории и её самым тихим концом.

Часть 1

Каждая великая любовь начинается с первого шага, но продолжается в море, где не существует ни берегов, ни преград.

Глава 1

Торонто плакал дождем — погода, конечно, не радовала. На душе было одновременно радостно и тревожно. Наш «Хендай» быстро подкатил к зданию аэропорта — Света всегда водила машину лихо и уверенно.

Заглушив мотор, она включила аварийку, и мы вышли из салона. Легкая усталость, смешанная с волнением, не давала мне покоя — это чувство неизменно охватывало меня перед каждым перелетом.

В здание терминала я вошел в темно-зеленой куртке и джинсах, катя за собой чемодан на колесиках; на плече висел рюкзак с личными вещами. Света шла позади. Я физически ощущал ее волнение. Внезапно она взяла меня за руку и посмотрела как-то совершенно по-новому, хотя в браке мы состояли уже пятнадцать лет.

— Ну вот и всё. Дальше иди сам, знаешь, куда? — ее глаза словно прощались со мной. Помню, я еще подумал тогда: «Да что с ней такое?», но вслух бодро ответил:

— Конечно, знаю, Свет, не переживай. — Я осмотрелся и поправил сползающий с плеча рюкзак.

— Ну всё, приятного полета. — Она подошла и крепко меня обняла. Я прижал ее к себе.

— Ладно, поезжай. Я пройду контроль, а потом позвоню, еще поговорим. — Я заглянул ей в глаза и вновь уловил в них непонятную тревогу. Списав всё на обычное предстартовое волнение, я нащупал в кармане паспорт и направился к зоне досмотра.

Миновав все проверки, я оказался в зоне вылета. Вдоль панорамных окон выстроились ряды удобных кресел со встроенными розетками для телефонов и ноутбуков. Из скрытых динамиков лилась тихая фоновая музыка, лишь изредка прерываемая объявлениями диспетчеров. Яркие витрины магазинов с сувенирами, прессой и дорожными мелочами манили пассажиров. Кто-то читал, кто-то увлеченно болтал по телефону; тут и там шумные семьи с детьми устраивали быстрые перекусы.

В самом воздухе витало радостное предвкушение — всех этих людей объединяла одна цель: поскорее отправиться в путь. Откинувшись на спинку кресла, я прикрыл глаза и отдался мечтам о теплом морском бризе...

Глава 2

Самолет плавно приземлился, и пассажиры зааплодировали, отдавая дань уважения пилотам. Спустившись по трапу самолета, я вдохнул воздух свободы и умиротворения. Когда приезжаешь на этот чудесный остров, тело само впитывает кубинский колорит. В воздухе смешалось всё: и едкий дым выхлопных газов от перегруженных туристических автобусов, и аромат сигар, которые курили местные таксисты, и густая тропическая влажность, от которой под рубашкой мгновенно взмокла спина, а на лбу выступили капельки пота.

Пройдя таможенный контроль, где сквозь меня, словно сканер, смотрела серьезная молодая кубинка с обесцвеченными волосами, я отправился за багажом. Суетливые туристы наблюдали, как их чемоданы, словно яхты по морю, плыли по конвейеру, предвкушая скорую встречу с вещами и комфортными гостиничными номерами.

Забрав свой чемодан, я вышел на парковку. Я заранее забронировал индивидуальный трансфер от аэропорта до отеля, чтобы не трястись в нудном автобусе с гидом. Сразу на выходе меня ждал мужчина в зеленой майке и черных брюках; в руках он держал табличку с моей фамилией. Направившись к нему, я приветственно махнул рукой.

— Мистер Эссан? — спросил он по-русски, обнажив в улыбке не слишком белые зубы.

— Привет, как дела? — ответил я, медленно подходя к нему.

— Добро пожаловать на Кубу! Меня зовут Картайя, я довезу вас до отеля.

— Спасибо, амиго, — кивнул я и добавил: — Закинь, пожалуйста, чемодан в багажник, а я пока выпью чего-нибудь прохладного. Жарковато тут у вас.

— Конечно, мой друг, — ответил он и забрал поклажу.

Местные торговцы, как всегда, решили содрать с туриста втридорога, и за три банки пива мне пришлось отдать десять долларов. Я не сопротивлялся, хотя и почувствовал легкий укол неприязни, — уж очень хотелось холоденького.

У Картайи был розовый «Понтиак» 1960 года. Издалека машина смотрелась отлично, но, подойдя поближе, я понял, что больше восьмидесяти километров в час она не вытянет.

— Первый раз на Кубе, мой друг? — спросил таксист и завел двигатель. Машина задрожала, завибрировала, и в салон ворвался стойкий запах бензина.

— Нет, я частенько у вас бываю, — ответил я, со щелчком вскрывая банку «Кристалла».

— И как, нравится?

— Конечно, — подтвердил я. — Может, даже остался бы здесь жить на старости лет.

— Да, у нас хорошо. Только вот экономика слабая. Проклятые американцы, из-за них все беды на земле, — философски заметил Картайя и покосился на меня в зеркало заднего вида.

— Надеюсь, скоро всё наладится, — сказал я и почти залпом осушил банку.

Автомобиль катил по трассе. Солнце нещадно палило, встречный ветер обдувал лицо, пьянящий запах океана манил к себе, и я открыл второе пиво.

— А как насчет развлечений? Есть какие-нибудь интересные клубы? — поинтересовался я.

— Да, есть один большой — «Черная каракатица». Работает по выходным, по вечерам. Находится в самом центре. В вашем отеле, правда, тоже есть клуб, но там скучновато. Вот моя визитка, — он протянул мне небольшую картонку. — Если понадобится такси, я всегда к вашим услугам.

Я расслабился. Алкоголь начал делать свое дело, и я просто наслаждался видом на океан. Мимо проезжали арендованные туристами машины и мопеды с местными жителями, а неповоротливые автобусы то и дело обгоняли друг друга, оглашая окрестности громкими сигналами.

Мы еще немного поболтали, Картайя даже успел показать мне фотографии своей семьи. Минут через сорок мы подъехали к отелю.

Остановившись перед центральным входом, водитель резво выскочил из машины и вытащил из багажника мой чемодан.

— До свидания, мой друг! — сказал он и, широко улыбнувшись, добавил: — Звоните, если надумаете куда-нибудь поехать.

— Спасибо, амиго, — ответил я и протянул ему две двадцатидолларовые купюры, которые моментально исчезли в его проворных пальцах.

Вскоре розовый «Понтиак» уже мчался за новым туристом, а я стоял перед входом в отель с чемоданом в руке и даже не подозревал, что именно здесь моя жизнь изменится навсегда.

Глава 3

Было всего одиннадцать часов утра, но в просторном фойе уже царил оживление. Туристы на что-то жаловались, чего-то требовали, и почти у каждого в руках был стакан с прохладительным напитком.

Подкатив чемодан к стойке регистрации, я принял мирную позу ожидания. За ресепшном стояла кубинка лет сорока. Ее черные волосы были тщательно уложены, а округлое лицо и пухлые губы выдавали в ней добродушную натуру — я сразу понял, что мы поладим. На ней была темная униформа с эмблемой отеля, а глубокое декольте недвусмысленно подчеркивало пышную грудь четвертого размера.

В очереди передо мной стояла супружеская пара лет пятидесяти из Канады. Они жаловались на сломанный кондиционер. Грузный мужчина с серьгой в ухе и в бейсболке «Монреаль Канадиенс» довольно громко и грубо отчитывал сотрудницу отеля. Его жена, дама столь же плотного телосложения, с мокрыми волосами и перекинутым через плечо полотенцем, то и дело вклинивалась в эту неприятную беседу своим писклявым голосом.

— Это просто возмутительно! — возмущался канадец. Его щеки побагровели, а капли пота со лба плавно стекали на нос. — Мы не можем нормально спать, и вот уже второй день к нам никто не приходит!

— Я уже передала вашу заявку техникам, — с профессионально невозмутимой улыбкой ответила кубинка. — Они скоро к вам подойдут.

— Вы и вчера это говорили! — вмешалась писклявая супруга. — Сделайте уже что-нибудь или немедленно позовите менеджера!

Судя по всему, сотрудница порядком от них устала. Она молча сняла трубку и набрала внутренний номер:

— Эдуардо, подойди, пожалуйста, на ресепшен. — Положив трубку, она вновь дежурно улыбнулась канадцам: — Присядьте вон там, менеджер сейчас к вам выйдет.

Проводив недовольных постояльцев безразличным взглядом, женщина переключила внимание на меня. Быстро и оценивающе оглядев мою фигуру, она приветливо произнесла:

— Добро пожаловать в отель «Роялтон»! Угощайтесь, пожалуйста, коктейлем или шампанским.

Я взял с подноса бокал игристого и одарил администратора широкой искренней улыбкой. Она ответила мне тем же.

— Меня зовут Мария. Сейчас я вас оформлю, и вы сможете пройти в свои апартаменты.

Почти все ее пальцы были унизаны массивными золотыми кольцами, но это ничуть не мешало ей с невероятной скоростью стучать по клавиатуре. Буквально через минуту она подняла глаза от монитора:

— Сейчас подойдет носильщик, заберет ваши вещи и проводит в номер.

Я поблагодарил ее и допил ледяное шампанское. Солнце снаружи палило нещадно, и даже в просторном холле хотелось держаться поближе к спасительной тени.

Дойдя до своих дверей, я сунул провожатому дежурный доллар на чаевые и шагнул внутрь.

Это был просторный «люкс» с огромной ванной и душевой системой в стиле «тропический ливень». Обшитые мягким велюром кресла и стулья отлично гармонировали с массивным столом и тяжелыми бархатными портьерами. Огромное зеркало во всю стену визуально делало комнату еще больше. Громадная кровать с высоким замшевым изголовьем, украшенным золотистой эмблемой отеля, выглядела поистине впечатляюще. Весь интерьер был выдержан в благородных фиолетовых тонах с богатыми золотыми акцентами.

Открыв мини-бар и удостоверившись в наличии холодного пива, я немедленно свернул крышку с одной из бутылок. Выйдя на балкон, я вновь подставил лицо жаркому солнцу, вдыхая густой аромат Острова свободы. Опустошив бутылку, я вернулся в прохладу номера и прилег подремать.

Глава 4

Я проснулся от настойчивого стука в дверь. На долю секунды тело рефлекторно напряглось, но я тут же сообразил, что это, должно быть, обслуживание номеров.

— Мини-бар! — донеслось из коридора.

С трудом поднявшись с роскошной кровати, я открыл дверь. На пороге топтался невысокий шуплый кубинец с маленькой тележкой, уставленной напитками. Я приветливо улыбнулся:

— Заходи, амиго, ты как раз вовремя.

— Ола, сеньор, — кивнул работник и закатил тележку в комнату.

Пока он гремел бутылками, пополняя запасы моего мини-бара, я снова вышел на балкон. Солнце жгло с невероятной силой; время близилось к двум часам дня.

Передо мной открывался фантастический вид на побережье. Слепяще-белый песок и изумрудная вода океана создавали божественный контраст, а раскидистые пальмы гармонично дополняли этот райский пейзаж. Я глубоко вдохнул солоноватый морской воздух.

— Грасиас, сеньор, — донеслось из глубины номера. Кубинец закончил свою работу.

— И тебе спасибо, — ответил я и, нащупав в кармане шорт скомканную купюру, протянул ему доллар.

Закрыв за ним дверь, я начал быстро собираться. Мне нестерпимо хотелось поскорее оказаться на пляже, и тянуть время не было никакого смысла.

Накинув легкую синюю рубашку и белые шорты, я захватил с собой пару купюр, солнцезащитный крем, темные очки и пушистое отельное полотенце.

Оказавшись в лобби-баре, я вдруг отчетливо понял, что жутко хочу кубинского рома, и уверенным шагом направился к стойке. Народу было немного: лишь дремлющий старик в потертой соломенной шляпе да какая-то тучная дама с короткими, похожими на сардельки, пальцами. Окинув взглядом стройные ряды бутылок за спиной бармена, я бросил:

— Друг, будь добр, плесни-ка мне рома с содовой.

Бармен — кубинец средних лет с обильно зализанными гелем волосами и красными, будто после тяжелого похмелья, глазами — ловко смешал мне «Куба Либре». Я сделал щедрый глоток, и всё внутри мгновенно потеплело и запело.

— Отлично, мой друг! — искренне похвалил я. — Вот, держи. Я к тебе еще не раз загляну. Как тебя зовут? — спросил я, многозначительно пошуршав свежей двадцатидолларовой купюрой.

От вида столь щедрых чаевых бармен едва не взлетел в стратосферу — он буквально подпрыгнул на месте.

— Фернандо! Меня зовут Фернандо, мой щедрый друг! Я работаю здесь каждые три дня, с утра и до самой полуночи. Сегодня как раз моя первая смена! — Его улыбка растянулась так широко, что я всерьез испугался, как бы у бедняги не порвался рот от свалившегося на него счастья.

— Что ж, значит, мне чертовски повезло, — хмыкнул я и, забрав свой коктейль, бросил на прощание: — Скоро увидимся.

Выйдя на залитую солнцем аллею, я быстро осознал, что под такими лучами можно запросто испечься, и решительно прибавил шаг. На пляже царило беззаботное веселье: подвыпившие молодые парочки громко смеялись и фотографировались, мамы возились с детьми на мелководье, а разомлевшие отцы семейства прятались под широкими зонтами, лениво потягивая прохладный алкоголь.

Найдя свободный шезлонг, я сбросил на него вещи и с разбегу кинулся в набегающие волны.

Океан встретил меня невероятно ласково. Теплая, как парное молоко, вода мягко заключила меня в свои объятия. Я раскинул руки, лег на спину и, щурясь сквозь мокрые ресницы, посмотрел на ослепительное кубинское солнце.

«Ну здравствуй. Давненько мы не виделись», — подумал я и с головой ушел под воду.

Глава 5

Она проснулась, но глаза открывать не спешила. В ванной шумела вода; на прикроватных часах светились цифры — восемь утра. Обычно она не вставала в такую рань, но сегодня был особенный день: предстоящая важная встреча никак не давала покоя.

Приоткрыв глаза, она вытянула руки вверх и сладко потянулась — медленно и грациозно, словно сытая кошка. У нее была безупречная фигура. Ровный темно-золотистый загар красноречиво свидетельствовал о том, что она регулярно проводит время на фешенебельных курортах в теплых странах. Распущенные темно-русые волосы со светлыми кончиками живописно разметались по белоснежной подушке, словно кто-то специально уложил их для глянцевого фотосессии. Даже без грамма косметики ее лицо казалось удивительно красивым, почти сказочным. В ее венах текла якутская кровь, подарившая ей идеальный миндалевидный разрез глаз. От природы пухлые губы, высокий гладкий лоб, на котором не было ни единой морщинки, и изящный тонкий нос — всё это складывалось в картину редкой естественной красоты. Она откинула край одеяла, открыв взгляду длинные стройные ноги и высокую, упругую грудь с потемневшими набухшими сосками. Вся эта красота бесстыдно предстала перед лучами утреннего света.

Слегка приподняв ногу, она критически осмотрела ступню.

«Нужно обновить педикюр», — отстраненно подумала она.

Спальня была просторной и идеально чистой. Утренний свет, пробиваясь сквозь щели жалюзи, мягко рассеивал царивший в комнате полумрак. На пушистом ковре небрежно валялись кружевные трусики, а на прикроватной тумбочке соседствовали закрытый ноутбук и пустой бокал из-под дорогого шампанского.

В углу, на спинке массивного стула, была аккуратно сложена парадная генеральская форма. Огромное зеркало визуально удваивало и без того немалое пространство. Потянувшись за телефоном, она принялась лениво пролистывать вчерашние сообщения.

В этот момент дверь ванной тихо скрипнула, и в спальню вошел мужчина лет шестидесяти. Обернутое вокруг бедер влажное полотенце скрывало его наготу. Полностью седые волосы уже были аккуратно зачесаны, а жесткие, волевые черты лица безошибочно выдавали в нем человека властного и влиятельного. Комната наполнилась терпким ароматом дорогого мужского парфюма. Мужчина сбросил полотенце и стал неторопливо одеваться.

— Ты уже уходишь, котик? — капризно протянула она.

— Да, и так уже запаздываю. Сегодня важная встреча в Министерстве, — сухо ответил он, застегивая рубашку и накидывая на плечи форменный китель.

— Вечером придешь? — она с затаенной надеждой посмотрела на его широкую спину.

— Не уверен. Скорее всего, нет. Прости. Может быть, вырвусь на выходных. Сама знаешь, какой сейчас плотный график.

Она молча поднялась с кровати и, грациозно покачивая бедрами, прошла мимо него. На ее прекрасном лице отразилась тень тщательно скрываемой грусти.

— Ну, Аня, прекращай дуться. Ты же знаешь специфику моей работы, — примирительно бросил генерал.

— Ладно, — коротко бросила она и скрылась за дверью ванной.

— Всё, пока. Машина уже ждет, — донеслось из спальни. Мужчина подхватил тяжелый кожаный портфель и вышел, плотно притворив за собой дверь.

Стоя перед большим зеркалом над раковиной, она долго вглядывалась в собственное отражение. На душе скребли кошки; накатила волна привычного липкого одиночества.

«Нужно как следует отдохнуть», — решила она и привычным жестом потянулась за косметичкой, чтобы нанести легкий дневной макияж.

Покинув ванную, она принялась собираться. Надев изысканное белое белье и тонкие чулки на силиконовой ленте, она вновь критически оглядела себя в ростовое зеркало. Строгая темно-синяя юбка-карандаш, ослепительно-белая блузка с кружевным воротником и приталенный красный пиджак — таким был ее сегодняшний выбор. Любимые кольца с бриллиантами и массивный золотой кулон служили привычными рабочими аксессуарами, а тонкое, изящное запястье украсили строгие швейцарские часы «Rado».

Глубокий оттенок темно-красной помады выгодно контрастировал с жемчужной белизной зубов, делая ее холодную улыбку поистине неотразимой.

Накинув элегантный бежевый тренкот, прихватив брендовую сумочку и зонт-трость, она спустилась на лифте в подземный паркинг.

На привычном месте красовался ее вымытый до блеска темно-зеленый «Мерседес». Сев за руль и запустив мощный двигатель, Анна плавно вывела тяжелый автомобиль из гаража. Снаружи хлестал пронизывающий декабрьский дождь — так холодная, неприветливая Москва встречала Анну Александровну Орловскую.

Глава 6

Вдоволь насладившись океаном, я прилег на шезлонг. В голове крутились разные мысли. Чего-то откровенно не хватало, хотелось новых впечатлений. Взглянув на часы, показывавшие уже четыре пополудни, я решил вернуться в номер.

Жара стояла невыносимая; солнце пекло так, будто вознамерилось расплавить все вокруг. Открыв дверь, я мысленно вознес хвалу создателю кондиционера — меня окутала божественная прохлада. Достав из мини-бара ледяное пиво, я подошел к зеркалу.

«Что ж, выгляжу еще вполне неплохо», — констатировал я и в несколько глотков осушил бутылку.

Приняв душ, я переоделся и ровно в шесть часов покинул номер, даже не подозревая, что это один из моих последних спокойных дней.

В ресторане я выбрал уютный столик в углу, откуда отлично просматривался весь зал. Официанты то и дело сновали между рядами, стараясь угодить постояльцам. Ко мне подошла плотная женщина с гладко зачесанными волосами и приветливой улыбкой.

— Ола, сеньор. Кофе? — учтиво поинтересовалась она.

— Да, спасибо, — кивнул я и направился к шведскому столу.

Наполнив тарелку, я не спеша вернулся на свое место. Рыба на гриле оказалась превосходной, и мне отчаянно захотелось белого вина. Стоило только поднять руку, как передо мной тут же нарисовался щуплый кубинец с запотевшей бутылкой. Тихая музыка, легкий звон посуды, мерный гул людских голосов и выпитое вино постепенно привели меня в состояние приятной, тягучей расслабленности.

Закончив трапезу, я оставил доллар на чай и вышел на улицу. Уже темнело; удушливую дневную жару сменил легкий, влажный кубинский вечер.

Лобби-бар представлял собой массивную круглую стойку, плотно окруженную столиками. Неподалеку располагалась небольшая сцена, куда как раз поднимались музыканты и две красивые молодые кубинки. Я сел за барную стойку и заказал бокал белого. Заиграла музыка, и девушки запели. Некоторые постояльцы пустились танцевать, другие просто слушали, а кто-то продолжал оживленно болтать.

Ко мне подошли две русские девушки лет тридцати, и одна из них на весьма ломаном английском поинтересовалась:

— Hi, how are you?

— Good, you? — вежливо улыбнулся я.

— I'm fine, thank you. Where are you from? I'm from Moscow, — с заметной долей гордости произнесла она, поставив локти на стойку и слегка подавшись в мою сторону. Ее подруга, делая вид, что разговор ей совершенно безразличен, то и дело вертела головой, словно высматривая кого-то в толпе.

— I'm from Toronto. Но я говорю по-русски, — ответил я, улыбаясь еще шире.

Обе девушки буквально впились в меня изумленными взглядами, и на секунду повисла неловкая пауза. Они явно не ожидали подобного поворота — им определенно нужен был иностранец.

— Ого, понятно. Как настроение? — быстро нашлась собеседница и сделала крупный глоток из своего бокала.

Не успел я ответить, как между нами неожиданно вырос высокий импозантный итальянец лет шестидесяти пяти и галантно поздоровался с девушками по-английски. Они моментально переключили все свое внимание на него, а я с облегчением выдохнул. И именно в этот момент к пустующему стулу по соседству подошла она и по-английски спросила, не занято ли место.

Глава 7

У нее невыносимо болела голова. Сбросив тесные балетки, Анна удобно устроилась в массивном кожаном кресле. Ее рабочий кабинет был достаточно просторным: слева располагался длинный стол для переговоров, на стене висел большой телевизор, а вдоль окон тянулись стеллажи, заставленные сувенирами и почетными грамотами. Положив изящные ноги на край рабочего стола, она прикрыла глаза и попыталась расслабиться, но в этот момент в дверь робко постучали, и в кабинет заглянула секретарь.

— Анна Александровна, вам из «Сбера» пришло сообщение по поводу мероприятия в следующую пятницу.

— Хорошо, Полина. Позвони Сергею Владимировичу, пусть все организует.

— Сделаю. Вы в порядке? — участливо спросила девушка.

— Да что-то голова разболелась. Сделай мне кофе, пожалуйста.

— Сию минуту, — ответила Полина и бесшумно прикрыла за собой дверь.

«Боже, — с тоской подумала Анна, — нужно просто отдохнуть». Ей до одури хотелось чего-то необычного, спонтанного; хотелось простого человеческого тепла, ласки, заботы и умиротворения.

Вновь раздался стук, и секретарь внесла поднос с чашкой ароматного кофе и рассыпчатым печеньем.

— Вот, Анна Александровна, готово.

— Спасибо, Полина. — Убрав ноги со стола, Анна взяла дымящуюся чашку. — Скажи, что у нас там по графику на январь? Намечается что-то грандиозное? Мне вдруг отчаянно захотелось в отпуск.

— Сейчас посмотрю сетку.

Секретарь вышла. Анна, сделав обжигающий глоток, снова откинулась на спинку кресла. Немного поразмыслив, она взяла смартфон и набрала номер матери.

— Алло, мамуль, привет.

— Привет, доча. — Родной голос мгновенно придал Анне сил, и она заговорила уже гораздо бодрее:

— Мамочка, а поехали в отпуск? Мне так хочется отдохнуть от всего этого. Что скажешь?

— А куда, Анютка?

— Да куда угодно! Давай на Кубу?

— У тебя все хорошо, доченька? — тревожно спросила мать.

— Да, все прекрасно, мамочка, просто я жутко устала. Давай я возьму билеты на даты сразу после Рождества?

— Хорошо, дорогая, я только «за». Тем более мы давненько уже никуда не выбирались вдвоем.

Проболтав еще минут десять, Анна взглянула на часы — было почти восемь вечера. Сменив балетки на строгие туфли, она быстро привела себя в порядок и погасила в кабинете свет. Выйдя на улицу, Анна снова шагнула в холодные, промозглые объятия вечерней Москвы.

Глава 8

Новогодние праздники пролетели как один день. Все шло своим чередом: бесконечные мероприятия, деловые встречи, редкие посиделки с друзьями. Жизнь привычно бурлила. Андрей изредка заезжал к ней на выходных или поздно вечером — эта стабильная, но изматывающая рутина тянулась уже долгих семь лет.

В Рождественский сочельник он приехал непривычно рано. Праздничный стол был уже накрыт. Анна твердо решила серьезно поговорить с ним именно сегодня, втайне надеясь, что атмосфера праздника сделает его более сговорчивым.

— Ну, как ты, котик? — мягко спросила она, накладывая ему горячий бефстроганов.

Он подошел сзади, по-хозяйски обнял ее за плечи и, слегка отодвинув густые волосы, поцеловал в нежную шею.

— Хорошо. День выдался на редкость легким, все вопросы решились быстро, так что я освободился пораньше.

Подойдя к холодильнику, он извлек запотевшую бутылку «Белуги» и щедро плеснул себе в хрустальную стопку.

— Будешь шампанское? — спросил он и залпом опрокинул водку.

— Да, налей, пожалуйста, — ответила Анна. Ее руки едва заметно дрожали от волнения, пока она нарезала пармезан и овощи.

— Держи. — Он протянул ей искрящийся бокал и снова наполнил свою рюмку. — Ну что, с Рождеством?

— С Рождеством... — Ее голос предательски дрогнул и прозвучал неожиданно печально. Андрей выпил и со стуком поставил стекло на стол.

— Ну, что такое? Что с тобой? — Он взял ее за руки и мягко притянул к себе.

Анна отвернулась и, собираясь с духом, тихо произнесла:

— Нам нужно поговорить.

— Опять ты за свое? — Он резко отодвинул стул, тяжело опустился на него и выжидающе посмотрел на нее. — Ну?

— Мы это уже обсуждали. Я хочу ребенка. — Она одним решительным глотком осушила бокал и села напротив.

— Милая, я же тебе уже говорил, что не могу. Да и не хочу, если откровенно. Ты же прекрасно знаешь мою ситуацию: у меня семья, дети уже совсем взрослые. Да и на службе лишние разговоры и проблемы мне абсолютно ни к чему.

— Мне скоро сорок лет, Андрюша! И, как любая нормальная женщина, я хочу стать матерью! — Она порывисто вскочила из-за стола и плеснула себе еще шампанского.

— Милая, давай не будем портить вечер. — Он подошел и примирительно положил тяжелые руки ей на плечи.

— Портить вечер? — В ее глазах блеснули злые слезы. — Это я порчу вечер?! Я всего лишь хочу быть счастливой, как все! — Не выдержав нервного напряжения, она горько заплакала.

— Ну все, успокойся, мой Ангелочек. Все будет хорошо. В конце концов, не у всех же женщин есть дети. Тем более с твоими деликатными проблемами со здоровьем...

— Все у меня хорошо! — вспыхнула она. — Врач сказал, что я абсолютно здорова и смогу выносить!

Она резко сбросила его руки и вернулась за стол.

— Пойми, Аннушка, ничего из этого не выйдет. Я категорически этого не хочу. Давай ты просто оставишь эту безумную затею.

Слышать эти слова было невыносимо больно. Он, конечно, любил ее, но какой-то своей, эгоистичной и удобной любовью, которая Анне была совершенно не нужна.

Андрей молча сверлил взглядом тарелку, методично протыкая кусок мяса вилкой.

— Ладно, — ледяным тоном отрезала она. — Послезавтра я улетаю с мамой на Кубу. Вернусь — поговорим.

Остаток ужина прошел в гнетущей тишине, после чего они легли спать. Рождественский вечер был безнадежно испорчен.

Глава 9

Самолет плавно набрал высоту, и Анна наконец-то свободно выдохнула. Серая, холодная Москва осталась где-то далеко внизу; теперь она безмятежно парила в небесах, а в соседнем кресле сидела мама. В который раз взглянув на самого близкого в мире человека, Анна тепло улыбнулась.

Галина Геннадьевна, сосредоточенно порывшись в своей изящной сумочке, извлекла на свет миниатюрную бутылочку белого вина и, лукаво посмотрев на дочь, произнесла:

— Вот. Нам просто необходимо расслабиться.

Галина Геннадьевна была дамой в весьма почтенном возрасте — ей уже исполнилось под восемьдесят, — но выглядела она значительно моложе своих лет. Миниатюрная, с безупречной салонной укладкой и аккуратным макияжем, она никогда не выходила из дома без маленького карманного зеркала.

— Будешь глоток? — предложила она.

— Давай. — Анна сделала пару глотков, и на душе действительно стало немного светлее. Откинувшись на спинку кресла, она прикрыла глаза и незаметно для себя провалилась в сон.

Куба встретила их ослепительным солнцем. В аэропорту было немногочисленно, поэтому все таможенные формальности прошли на удивление быстро. Вскоре, устроившись на заднем сиденье такси, они уже мчались в сторону побережья.

Анна бывала в «Роялтоне» и раньше, поэтому прекрасно ориентировалась на его необъятной территории. Их шикарный «люкс» располагался в корпусе неподалеку от главного входа.

Разобрав чемоданы, женщины отправились на неспешную прогулку по пляжу. День клонился к вечеру, и огромный багровый диск заходящего солнца медленно тонул в изумрудных водах океана.

После плотного ужина Анна решила почитать. Она давно планировала взяться за «Американскую трагедию» Теодора Драйзера. Переодевшись в салатово-черные шорты с надписью «Mexico» и накинув легкую темно-коричневую куртку с вышитым на спине тигром, она спустилась вниз.

Устроившись у стойки лобби-бара с бокалом ледяного шампанского, Анна открыла пухлый том. Гул и смех разгоряченных постояльцев постоянно отвлекали ее, заставляя то и дело поднимать глаза от страниц. Соседняя пара канадцев спорила так громко, что не обратить на них внимания было попросту невозможно. В какой-то момент один из мужчин повернулся к Анне и бесцеремонно поинтересовался, откуда она приехала.

— I'm from Moscow, and you? — сдержанно ответила она.

— From Canada, Hamilton, — широко улыбнулся тучный канадец и добавил: — Here is too noisy for a book.

— It's fine for me, I'm relaxing like that, — Анна дежурно улыбнулась в ответ и вновь уткнулась в книгу.

В этот момент на небольшую сцену вышли две молодые кубинки и чувственно затанули хит «Nayana». Оторвавшись от чтения, Анна достала телефон, чтобы снять атмосферное видео. В объектив камеры случайно попал мужчина, сидевший на противоположном конце стойки. Он меланхолично потягивал белое вино и расслабленно отбивал пальцами ритм по лакированному дереву.

Анна опустила смартфон и невольно засмотрелась на незнакомца. Ему было около сорока; в густых каштановых волосах благородно серебрилась седина, а стильная стрижка и ухоженная борода выдавали привычку следить за собой. Четкий римский профиль и пронзительные серо-зеленые глаза произвели на нее неожиданно сильное впечатление. Внезапно,

повинуясь какому-то необъяснимому внутреннему порыву, Анна подхватила книгу, телефон, бокал и решительно направилась в его сторону.

Глава 10

— Is someone sitting here? — вежливо поинтересовалась она.

У меня аж дух перехватило. Я медленно перевел взгляд с поющих на сцене кубинок на подошедшую. Это была невероятно эффектная женщина лет тридцати пяти. Распущенные темно-русые волосы со светлыми прядями на концах мягко обрамляли лицо, а легкие, едва уловимые азиатские черты придавали ее внешности совершенно особенный шарм. Обворожительная улыбка и жемчужная белизна зубов, ярко контрастирующая с красной помадой, делали ее ослепительно красивой.

— No, you can have a seat, — ответил я и, стараясь не выдать охватившего меня волнения, вновь устался на сцену.

Положив телефон и увесистую книгу на стойку, она попросила присмотреть за вещами, пока сходит за выпивкой. Я коротко кивнул.

Пока женщина отходила к противоположному краю бара, я с любопытством взглянул на обложку оставленной ею книги. «Американская трагедия» Драйзера. Я смутно припоминал, что в далеком детстве смотрел старый советский фильм по этому роману, но сам сюжет напрочь вылетел из головы. Убедившись, что незнакомка все еще ждет свой заказ, я быстро вбил название в поисковик на телефоне и за пару минут освежил в памяти краткое содержание. Спрятав смартфон, я невозмутимо откинулся на спинку барного стула.

Она вернулась минут через пять с полным бокалом и грациозно опустилась на соседний стул. И вот тут-то все и началось.

— Thanks for watching my stuff, — поблагодарила она, изящно пригубив шампанское.

— Да не за что, — спокойно ответил я по-русски.

— О, вы говорите по-русски! — Она с искренним изумлением посмотрела на меня.

— Да. Я родился в России, но пятнадцать лет назад перебрался в Канаду.

Сделав еще один маленький глоток, она открыла книгу. Чем дольше я на нее смотрел, тем сильнее мне хотелось продолжить разговор. И я решился.

Возможно, это было моей самой роковой ошибкой. Возможно, следовало просто вежливо раскланяться и уйти спать в свой номер. Но какая-то неведомая сила буквально толкала меня к ней. Я физически ощущал это мощное магнетическое притяжение. Сердце грохотало в груди, как раскаленный движок «Харлея»; звуки музыки словно отдалились, превратившись в невнятный фоновый шум. Я поймал взгляд Фернандо, и проворный бармен мгновенно вырос передо мной с новой закрытой бутылкой игристого. Всучив ему доллар и бросив «спасибо, амиго», я забрал бутылку. Кубинец понимающе подмигнул и растворился в толпе.

Я поставил ледяную бутылку на стойку. Мне показалось, что она, неторопливо затягиваясь электронной сигаретой, краем глаза внимательно следит за моими действиями.

— На редкость подлый тип этот главный герой, — бросил я с напускным безразличием.

Она подняла голову, словно проверяя, к ней ли я обращаюсь:

— Простите, что?

— Я говорю, персонаж вашей книги — очень подлый человек. Впрочем, в конце он получил по заслугам.

— Ой, нет, пожалуйста, не спойлерите! Я хочу дочитать сама.

— Как скажете, — легко согласился я. — Шампанского?

— Да, спасибо. — Она протянула бокал. — Кстати, меня зовут Анна. А вас?

— Джон. Джон Эссан. — Я сделал глоток и заглянул прямо ей в глаза.

В этот момент мир словно перевернулся с ног на голову. Мне показалось, что передо мной сидит сама любовь. От неожиданно нахлынувших чувств я даже слегка растерялся — дыхание перехватило, а все слова напрочь вылетели из головы.

— Ха-ха, — звонко и искренне рассмеялась она, — у вас такое типично американское имя!

— За пятнадцать лет я вполне успел к нему привыкнуть.

— Вы один отдыхаете?

— Один. А вы? — Я продолжал неотрывно смотреть в эти невероятные глаза, чувствуя, как буквально тону в них.

— А я с мамой. Она уже легла спать, а я вот решила спуститься в бар, почитать. — Анна обворожительно улыбнулась.

— Не самое подходящее место для вдумчивого чтения.

— Мне нормально. Я совмещаю приятное с полезным.

— А я совершенно не могу сосредоточиться в шуме, мне нужна абсолютная тишина. — Я бросил взгляд на массивные часы на запястье: было ровно одиннадцать. Живая музыка закончилась, и толпа отдыхающих шумной гурьбой повалила к бару.

— А вы когда читали эту книгу? — с лукавой искоркой в глазах поинтересовалась она.

— Давайте перейдем на «ты»? — предложил я.

— Давай. Так когда ты ее читал?

— Еще в юности, — ответил я и почувствовал, что предательски краснею от собственной маленькой лжи.

— А чем ты вообще занимаешься? — Она захлопнула книгу и, положив изящные руки на стойку, повернулась ко мне. Безупречный розовый маникюр на тонких пальцах смотрелся невероятно эстетично. Теплый ночной бриз растрепал ее волосы, и она легким, волнующим жестом заправила непослушную прядь за ухо.

— Работаю менеджером в строительной компании. Ничего сверхъестественного. А ты? — Я снова встретился с ней взглядом, и по телу словно прошел мощный электрический разряд.

— Работаю в банке. Управляющей, — улыбнулась она.

— Финансист? Наверное, это очень интересно.

— Поначалу — да. А потом рутина заела. Одно и то же изо дня в день. — Тень глубокой грусти, скользнувшая по ее лицу, дала понять, что она несколько не лукавит.

— Слушай, здесь становится слишком шумно. Пойдем к бассейну? Там гораздо спокойнее, — предложил я.

— Пойдем, — легко согласилась Анна.

Я привычным жестом поднял руку, и Фернандо тут же возник по ту сторону стойки.

— Фернандо, организуй-ка нам еще одну бутылочку и два чистых бокала.

— Сию минуту, босс, — козырнул бармен, и буквально через пару секунд заказ материализовался перед нами.

Бросив Фернандо, что мы скоро вернемся, я подхватил бутылку и бокалы, и мы неспешно направились к бассейну. Аллея между высокими пальмами мягко подсвечивалась фонарями, в чистом небе сияла огромная яркая луна. Именно в этот момент я отчетливо осознал: моя жизнь стремительно переходит в совершенно новую фазу...

Глава 11

Пройдя по аллее, мы вышли к краю бассейна. Там стояли шезлонги, окруженные деревянными столбами и белой ширмой, в которых днем туристы уединялись и прятались от солнца. Я сел на край шезлонга и принялся открывать бутылку. Она тоже присела на другой край. Свет был тусклым, и я видел только очертания ее фигуры. Для Кубы было достаточно прохладно, мимо нас то и дело проходили работники с какими-то тележками — отель готовился ко сну. Я посмотрел на часы: была половина первого ночи.

Наполнив бокалы шампанским, я протянул один ей. Мы выпили. Она поставила свой бокал на край шезлонга и легла на спину. Я тоже, недолго думая, лег рядом. Перед нами открылось бездонное звездное небо Кубы. Мы молча смотрели ввысь; аромат ее духов ласкал обоняние, и я чувствовал, будто улетаю куда-то далеко, где очень красиво и тепло.

Я поднял руку вверх и сквозь пальцы посмотрел на луну. Она повторила это движение вслед за мной. Я взял ее за руку и повернул ладонью к себе.

— О, у тебя будет длинная жизнь, — сказал я и провел пальцем по линии на ее ладони.

— А у тебя? — Она посмотрела на меня, перехватила мою руку и повернула ее ладонью к себе. — У тебя тоже, я так думаю, судя по линиям.

Она переплела свои пальцы с моими, и я окончательно поплыл.

— О чем ты мечтаешь? — шепотом спросила она и нежно пошевелила пальцами, отчего по всему моему телу пробежала дрожь.

— Мне хочется любви. Настоящей, безумной и страстной, — мое тело полыхало огнем, сердце готово было выскочить из груди. Я осознавал, что голова у меня кружится, и вовсе не от шампанского.

— Мне тоже, представляешь. Я устала от всего, хочется чего-то искреннего и настоящего.

Я посмотрел на нее. Она высвободила свою руку и начала ласково гладить мою щетину.

Я застыл, растерялся и смотрел на нее как влюбленный мальчишка. Она указательным пальцем прошла по моим губам; я ощутил тонкий аромат ее кожи. Подавшись чуть-чуть вперед, она попала под лунный свет, и я увидел, как приоткрылись ее губы. Я уже не думал ни о чем. Резко подавшись к ней, я жадно ее поцеловал. Она ответила такой же страстью, и мы слились в долгий поцелуй. Ее губы были как бархат — нежные и очень сочные. Запустив руку в ее шелковистые волосы, я еще сильнее прижал ее к себе. Она ласкала мои губы языком и, нежно постанывая, глубоко дышала.

Я просунул руку ей под куртку и нащупал грудь. От возбуждения сосок набух, и я нежно погладил его пальцем. Шелковое боди, которое скрывали шорты, казалось неприступным, но я решил пойти дальше и скользнул рукой вниз, к животу.

— Ш-ш-ш, тише, — прошептала она, мягко перехватив мою руку.

— Хорошо, извини, пожалуйста.

Я убрал руку, а она вновь откинулась на спину и посмотрела на небо.

— Налей мне еще шампанского, пожалуйста.

Я не понимал, где нахожусь. В висках стучало, сердце безумно билось, руки дрожали. Я снова сел на край шезлонга.

Она так и осталась лежать. Наполнив бокал, я лег рядом и посмотрел ей в глаза. Она пила шампанское и смотрела на меня особым, пронзительным взглядом. Раньше на меня так никто не смотрел: в этом читалась немая мольба дать ей что-то, ради чего я готов был отдать всё, включая собственную жизнь. Отставив бокал, она повернулась на бок, подперла голову рукой, а другой принялась перебирать мои волосы.

— У тебя есть кто-то? — тихо спросила она.

Реальность мгновенно вернулась и будто ударила кулаком в лицо. Я застыл: перед глазами отчетливо возникло лицо жены. Но видение моментально рассеялось, когда Аня вновь провела пальцами по моим губам. Я поцеловал ее кончики пальцев и, взяв ее ладонь в свою, ответил:

— Нет, я в стадии расставания.

Отчасти это было правдой, отчасти — нет. В последние пару лет у нас с женой всё было действительно сложно, но даже за пятнадцать лет брака я не испытывал ничего подобного тому, что чувствовал сейчас. Мне было всё равно. Я хотел просто жить. Здесь и сейчас.

— Ну а у тебя? — Я посмотрел на нее.

Она, не задумываясь, ответила:

— У меня всё сложно.

Я опять приблизился к ней, и наши губы встретились. Она положила руку мне на грудь, нежно поглаживая, затем закинула ногу мне на бедро, крепко прижалась, и так мы пролежали в обнимку минут пять. Я гладил ее волосы, а она — мою спину.

И тут зазвонил ее телефон.

— Да, мамочка, всё в порядке. Да, скоро приду, не переживай. — Она виновато посмотрела на меня. — Мне пора идти, уже поздно. Мама волнуется, а она у меня старенькая уже.

Я взглянул на часы. Было ровно три ночи, и не верилось, что время пролетело так быстро.

— Хорошо, идем, я тебя провожу.

Мы шли по спящему отелю. Я обнял ее за талию, она о чем-то рассказывала и тихо смеялась. Ее голос будто ласкал меня — божественный, нежный и трепетный, а смех был просто обворожительным. Я остановился и легко подхватил ее на руки.

— Нет, нет, поставь меня обратно, я боюсь! — в ее голосе и вправду прозвучала нотка волнения.

Я бережно опустил ее на землю.

— Ты думаешь, я не удержу?

— Нет, просто тут темно. Боюсь, мы можем упасть.

— Ладно, пошли.

Через пару минут мы были уже у дверей ее номера.

— Ну что, до завтра? — спросил я.

— До завтра, — ответила она и коротко поцеловала меня. Повернувшись, она открыла дверь, шагнула внутрь и, обернувшись на пороге, произнесла: — Спасибо за вечер.

— Это тебе спасибо, — ответил я, продолжая стоять на месте.

— Ну иди же, уже поздно.

— Ладно, до завтра.

— Пока.

Дверь закрылась, и я остался один в свете тусклых коридорных фонарей. Развернувшись, я зашагал к своему номеру. Внутри меня извергался вулкан эмоций. Я не шел — я летел, меня нес ветер, меня несла сама любовь...

Глава 12

Телефон уже минут десять не переставал вибрировать. Я проснулся от этого назойливого звука и яркого солнечного света, пробивающегося сквозь неплотно задернутые шторы. В голове тяжело гудело. Взглянув на часы, я увидел, что уже 8:20. Схватив трубку, я нажал кнопку ответа:

— Алло.

— Ты почему вчера весь вечер трубку не брал?! — голос на другом конце провода звенел от ярости. — Что ты там делал?

— Света, во-первых, доброе утро. А во-вторых, ты же знаешь, какая на Кубе связь. Вчера опять были перебои, — я приподнялся на локте и взбил подушку.

— Ой, только не надо мне эту чепуху в уши лить! Что, гулял там по бабам?

— По каким бабам, ты в своем уме? Прекращай. Я отдыхаю, мы же договорились.

— Что-то ты там крутишь, и мне это очень не нравится. И когда я звоню, чтоб трубку брал, понял?

Она, как всегда, была в своем репертуаре: ни капли нежности, ни грамма уважения — только грубость и претензии. Это начинало не на шутку раздражать.

— Как там Леночка? — перевел я тему. Мне очень хотелось увидеть дочь.

— Всё нормально с ней. Ты чтобы отвечал, понял меня?

— Да понял я, понял, — этот приказной тон окончательно вывел меня из себя. — Ладно, хватит уже. Как у тебя дела?

— Нормально дела, работаю. Давай, мне нужно идти. Я позвоню в обед, и не дай бог не поднимешь трубку!

Связь прервалась. Я со вздохом откинулся на подушку: «Боже, как мне всё это осточертело».

И тут меня словно током ударило. Аня!

Сердце мгновенно заколотилось. Я вскочил с кровати и пулей полетел в душ. Быстро освежившись, надел белую футболку и красные плавательные шорты. Прихватив солнцезащитный крем, полотенце и очки, я поспешил в лобби-бар.

В баре, как обычно, стоял гул. Я подошел к стойке. Фернандо не было; вместо него дежурил невысокий парень с аккуратной прической и выбритой полоской на брови. Он вопросительно посмотрел на меня:

— Чем могу помочь?

— Сделай мне испанский кофе, амиго. — Я надел очки и начал озираться по сторонам. «Где же Аня?» — стучало в висках.

Было только 9:30, а жара уже стояла невероятная. Мухи назойливо кружили над стойкой, то и дело присаживаясь на пустые бокалы и пластиковые стаканчики.

Внезапно я вспомнил про Картайю. Мне хотелось разузнать побольше о ночном клубе «Черная каракатица».

— Вот, держите ваш кофе, — бармен протянул мне красивый трехслойный напиток.

Я нащупал в кармане доллар и пододвинул ему по стойке.

— Спасибо, сеньор, — подмигнул кубинец.

— Скажи, друг, а ты не знаешь таксиста Картайю? — Я сделал большой глоток и зажмурился от удовольствия: бренди бармен явно не пожалел.

— Нет, не знаю. Но ты подойди к охраннику у входа, он тут всех местных знает.

Поблагодарив парня, я направился в фойе.

У стойки ресепшена, выполненной из массива темного дерева, две девушки в темно-зеленых платьях приветливо улыбались гостям. Где-то фоном играла ненавязчивая кубинская

мелодия. Я подошел к охраннику в белой рубашке, откровенно скучавшему у раскидистой пальмы возле главных дверей.

— Привет, мой друг! — поздоровался я по-английски.

— Приветствую, — охранник оживился и внимательно посмотрел на меня в явной надежде на чаевые.

— Скажи, друг, ты знаешь таксиста Картайю? — Я протянул ему вчерашнюю визитку.

— Да, конечно. Он уехал минут десять назад с клиентами, но должен вернуться в течение часа.

— Будь добр, амиго, передай ему, чтоб зашел в номер 2011 или поискал меня в баре на пляже. — Я выразительно пошарил в кармане, и рука кубинца тут же пришла в движение.

— Сделаю, босс, — кивнул он.

— Спасибо. — Я вложил в его ладонь смятый доллар и направился к выходу.

Я уже почти покинул фойе, как вдруг увидел ее. Аня шла мне навстречу.

Она двигалась легкой, мягкой, почти невесомой походкой; казалось, ее шаги — это продолжение теплого морского бриза. В чертах ее лица удивительным образом сочетались внутренняя сила и абсолютное спокойствие. Теплые, миндалевидные глаза блестели, как отполированная черная яшма. Темные волосы были небрежно, но элегантно собраны в пучок. Поверх черно-красного купальника была накинута полупрозрачная салатная туника, сквозь которую угадывались очертания безупречной фигуры, приковывающей восхищенные взгляды и постояльцев, и персонала.

Она подошла ближе, и я вновь вдохнул тонкий аромат ее духов. Он опьянил меня куда сильнее, чем крепкий испанский кофе.

— Привет, — сказала она, глядя мне прямо в глаза.

— Привет. Как ты себя чувствуешь? — мой голос дрогнул от волнения так сильно, что я сам его не узнал.

— Отлично, — улыбнулась она. — Ты куда собрался?

— На пляж, — выдохнул я и неловко выронил из рук свернутое полотенце.

— Мы с мамой сейчас пойдем позавтракаем, а потом я тоже приду. — Она оглянулась. Галина Геннадьевна неспешно приближалась к нам. Большие солнцезащитные очки закрывали ей пол-лица. Улыбаясь, она подошла ближе.

— Доброе утро.

— Доброе утро, — поздоровался я и, бросив взгляд на экран телефона, добавил: — Вам стоит поторопиться, шведский стол скоро закроют.

— Ладно, увидимся на пляже, — кивнула Аня, и они с матерью направились в сторону ресторана.

Я зашагал к океану. Сердце колотилось так, словно пыталось пробить ребра. Это был мой предпоследний день на Кубе. Завтра я возвращался домой.

Глава 13

Вдоволь наплававшись в океане, я минут тридцать лежал на шезлонге, сквозь прищуренные ресницы и темные стекла очков глядя на слепящее солнце. Все мои мысли были поглощены только ею. Я буквально не находил себе места. Пытался отвлечься детективом Чейза, но буквы просто расплывались перед глазами, не складываясь в слова.

Я уже собирался уходить в номер, как вдруг увидел ее. Она неторопливо шла по кромке прибоя, а следом семенила ее мама.

Аня была ослепительно прекрасна. Ее изящные плечи впитывали солнечные лучи; она шла не для того, чтобы на нее смотрели, а просто наслаждаясь моментом. Набегающие волны ласково слизывали ее следы с мокрого песка, словно сам океан был в нее влюблен. Шаловливый ветер перебирал пряди ее волос, как старый добрый друг. Я замер. Это было самое прекрасное зрелище из всех, что мне доводилось видеть.

Я хотел было пойти ей навстречу, но она сама свернула в мою сторону. Встретившись со мной взглядом, она тепло улыбнулась. Я расплылся в ответной улыбке.

— Привет.

— Привет. — Я сделал пару шагов навстречу.

— Ты уже плавал? — Она обернулась, проверяя, не отстала ли мама.

— Да, успел.

— Хорошо. Я сейчас маму отведу к ее шезлонгу, устрою поудобнее, а потом погуляем, ладно?

— Да, конечно, я подожду здесь.

Она развернулась и пошла дальше по пляжу. Боже, эта походка сводила меня с ума! Я стоял как вкопанный, не в силах оторвать глаз от ее длинных, загорелых ног бронзового оттенка. Собранные в высокий пучок волосы, стильные белые очки «Prada» и яркий салатовый купальник делали ее совершенно неотразимой, бесконечно желанной и такой недостижимой.

— Сеньор! Сеньор!

Я словно вынырнул из глубокого сна и с огромной неохотой оторвал взгляд от удаляющейся Ани.

Ко мне спешил Картайя. Несмотря на удушающую жару, он был облачен в черные классические брюки и кипенно-белую рубашку. Его лакированные туфли вязли в глубоком песке. Он шел быстрым шагом, раскинув руки в стороны и сияя улыбкой до ушей. Среди расслабленных туристов в купальных костюмах он выглядел весьма комично.

— Ола, сеньор! — Он стянул с носа темные очки. — Мне передали, что вы меня искали!

— Да, искал, мой друг. — Я отступил в спасительную тень зонта. — Слушай, я хочу сегодня вечером съездить в «Черную каракатицу». Сможешь организовать поездку?

— Конечно, сеньор! — Картайя улыбнулся еще шире, сверкнув белоснежными зубами. — Вообще никаких проблем.

— Отлично. К какому времени мне быть готовым? — Я сделал глоток успевшего нагреться коктейля и невольно поморщился.

— Лучше всего подъехать туда к девяти. Самое правильное время для начала, — ответил Картайя, нервно перебирая пальцами в кармане брюк, словно предвкушая хруст новенькой купюры.

— Договорились, — сказал я и щедро вознаграждал таксиста чаевыми. — Тогда в 8:30 буду ждать тебя у лобби-бара.

— Как скажете, сеньор. Буду минута в минуту!

Картайя поспешил обратно к стоянке, а я снова начал вглядываться вдаль, туда, куда ушла Аня, но пляж был пуст.

Прождав около двадцати минут, я тяжело опустился на шезлонг, прикрыл глаза и стал слушать мерный шум прибоя.

— Привет. Ты спишь?

Этот голос прозвучал над моим ухом нежнее самой искусной флейты. Я мгновенно открыл глаза и подскочил. Она стояла передо мной: мокрые после купания волосы перехвачены резинкой, в одной руке телефон и электронная сигарета, в другой — запотевший бокал с шампанским. Чем дольше я смотрел на нее, тем яснее понимал, что пропадаю окончательно.

— Решил немного передохнуть, — хрипло ответил я.

Она мягко взяла меня за руку. Мне показалось, что от ее прикосновения по венам пустили электрический ток огромной мощности, но я постарался не подать вида. Свободной рукой она ласково погладила меня по плечу. В ее глазах читалось такое восхищение, словно перед ней стоял ангел, спустившийся с небес.

— Не смотри на меня так, а то я влюблюсь, — попытался отшутиться я.

Я, конечно же, нагло лгал. Я уже был влюблен. Влюблен безрассудно, как первоклассник, как слепой фанатик, как рыцарь в свою прекрасную даму.

Она смотрела то на меня, то куда-то вдаль, глубоко задумавшись. Я машинально взглянул на часы.

— Боже, прошу, не смотри на время! Я даже знать не хочу, который сейчас час. Ведь завтра ты улетаешь... — в ее голосе прозвучала такая искренняя, пронзительная печаль, словно мы были знакомы целую вечность.

И я подумал: а ведь она абсолютно права. К черту время!

Я сел на край шезлонга; она стояла вплотную ко мне. Недолго думая, я притянул ее за талию и уткнулся лицом в ее живот. Меня окутало тепло и нежность, словно я оказался на мягком, пушистом облаке высоко в небесах. Подняв голову, я посмотрел на нее и увидел, как по загорелой щеке медленно скатилась слеза.

— Ну ты чего? — Я внимательно всмотрелся в ее лицо и встал на ноги.

— Мы ведь даже не успели толком узнать друг друга, а ты уже уезжаешь, — она тихо всхлипнула, как маленькая обиженная девочка.

Я крепко обнял ее и начал целовать мокрое от слез лицо. Она уткнулась мне в грудь, и мы долго стояли молча, просто слушая стук сердец.

Наконец она отстранилась и, смахнув слезы тыльной стороной ладони, предложила:

— А пойдём в бар?

— Пошли, конечно. — Хотя я изо всех сил старался казаться невозмутимым, в горле стоял жесткий ком, а на глаза наворачивались предательские слезы.

Подойдя к барной стойке, я обнял ее за плечи, и мы заказали два бокала шампанского.

Глава 14

Пляжный бар был почти пуст. На часах — два пополудни; солнце палило нещадно, превращая песок в раскаленную сковородку. Большинство благоразумных туристов давно разбежались по номерам с кондиционерами или дремали в густой тени пальм, и лишь единицы продолжали упрямо жариться на берегу.

Мы заняли угловой столик. Я смотрел на нее не отрываясь, словно примагнитенный. Она отвечала мне таким же взглядом — так смотрят на единственного мужчину на всей планете. В ее глазах плескалась бездонная нежность и немая мольба остаться. Остаться здесь, с ней, навсегда.

— Я так не хочу, чтобы ты уезжал... — Еще одна слезинка сорвалась с ресниц и прочертила влажную дорожку на щеке. Она плакала так горько и искренне, что у меня внутри всё сжималось. Я прижал ее к себе, чувствуя невероятное душевное единение. Мы словно слились в одно целое.

— Пожалуйста, не плачь. Ты просто разрываешь мне сердце. — Сдавленный ком в горле мешал нормально дышать.

Она подняла на меня заплаканные глаза:

— Но ведь у нас есть еще целая ночь, правда?

— Да. У нас есть эта ночь. Давай просто побудем вместе и не станем думать о завтрашнем дне.

Она сделала крошечный глоток шампанского. От этого взгляда, полного отчаянной любви, кровь вскипела в венах, а сердце забилося в сумасшедшем ритме, грозясь проломить грудную клетку.

— Слушай, я тут подумал: пойдем вечером потанцуем. Здесь есть неплохой клуб, и как раз сегодня там намечается большое шоу. — Я бережно накрыл ее узкую ладонь своей.

Она грустно улыбнулась и покорно кивнула:

— Конечно. Пойдем.

— Знаешь, я совершенно не понимаю, что со мной происходит, — признался я. — У меня такое чувство, будто я знаю тебя всю свою жизнь. Или мы уже любили друг друга в какой-то прошлой жизни.

Она запрокинула голову, подставляя лицо солнцу, и изящным жестом поправила растрепавшиеся волосы. Даже в этом простом, обыденном движении сквозило абсолютное совершенство. В горле окончательно пересохло, и я залпом допил шампанское. Мы просто сидели в тишине и смотрели друг на друга, пытаясь навечно запечатлеть в памяти каждый сантиметр, каждый взгляд, каждый вздох.

— Я понятия не имею, как буду жить дальше, — я снова увидел слезы в ее глазах. — Я же просто не смогу без тебя! Боже мой, как такое вообще возможно? За что нам это? — Она снова сорвалась на тихие рыдания. — Любимый мой, родной... Почему? Почему всё именно так? Почему ты должен улететь завтра? Почему?..

Она уткнулась лицом мне в плечо. От ее горячих слез тонкая ткань моей футболки мгновенно намокла. Я гладил ее по волосам, мысленно задавая мирозданию тот же самый неразрешимый вопрос: «Почему?»

— Умоляю, не надо. Пожалуйста, не плачь. Мне тоже невыносимо больно. Давай лучше пройдемся по берегу, подышим воздухом.

— Пошли.

Я обнял ее за талию, и мы медленно побрели вдоль кромки воды. Было около четырех часов. Жгучее тропическое солнце продолжало палить, но нам обоим было абсолютно всё равно. Мы шли навстречу солнцу. Мы шли навстречу нашей любви.

Глава 15

Неспешно прогуливаясь по пляжу, мы добрались до места, где под зонтом отдыхала Галина Геннадьевна. Она сидела в шезлонге, увлеченно читая толстую книгу. Аня неохотно выпустила мою руку и подошла к матери.

— Мамуль, ты как тут?

— Ох, Анечка, я тебя уже ждалась. Скоро пять часов, а тебя всё нет и нет, — Галина Геннадьевна перевела внимательный взгляд на меня и вежливо улыбнулась: — Здравствуйте еще раз.

— Здравствуйте, — смущенно поздоровался я.

— Ну что, доча, идем в номер? — Пожилая женщина отложила книгу и начала неторопливо собирать вещи.

Мне до физической боли не хотелось расставаться с Аней. Судя по ее потемневшему взгляду, она испытывала то же самое. Но я понимал: им нужно вернуться в отель, чтобы привести себя в порядок перед ужином.

— Мамочка, ты иди потихоньку, я тебя сейчас догоню.

Аня подхватила тяжелую пляжную сумку. Дождавшись, пока мать отойдет на достаточное расстояние, она порывисто схватила меня за руку:

— Мы скоро увидимся. Я поужинаю с мамой, а потом встретимся в лобби-баре, хорошо?

— Хорошо, — выдохнул я и крепко прижал ее к груди. Она податливо прильнула ко мне и сладко поцеловала. Ее губы были на вкус как теплый тягучий мед. Мне казалось, я сейчас оторвусь от земли. Я зарывался пальцами в ее волосы, гладил шею, плечи...

Наконец она отстранилась и прошептала:

— Буду ждать тебя в баре, солнышко. — И надела темные очки.

— Я очень буду ждать.

Казалось, в этот момент от меня с мясом оторвали половину сердца. Она медленно удалялась в сторону гостиничных корпусов. Лучи предзакатного солнца золотили ее фигуру, а грациозная походка, как и всегда, завораживала. Когда Аня скрылась из виду за рядами пустых шезлонгов, я еще минут пять стоял неподвижно, надеясь хоть мельком уловить ее силуэт.

Оставшись в одиночестве, я решил напоследок окунуться. Освежившись в прохладной воде, я забрал вещи и тоже побрел к себе. Солнце уже клонилось к горизонту, хотя жара не спадала. По пути я завернул к бару у бассейна, взял бутылку ледяной минералки и отправился в номер. Приняв душ, я в изнеможении рухнул на кровать. Глаза закрылись сами собой, и я провалился в тяжелый сон без сновидений.

Проспал я недолго, от силы час. Тишину разорвал резкий звонок телефона. Я скосил глаза на экран: звонила Света.

— Алло.

— Ты чем там занимаешься?! Что у тебя с голосом? Уже успел нажраться? — разъяренный женский крик буквально резанул по ушам.

— Света, вообще-то я спал, — от ее тона меня словно окатили ледяной водой.

— Ты обещал быть на связи! Почему я весь день не могу до тебя дозвониться?!

Я подошел к зеркалу и критически оглядел свое помятое лицо. Видок у меня и впрямь был не очень.

— Послушай, Света. Я весь день провел на пляже. Завтра же улетать. А на побережье связь не ловит, ты же сама прекрасно это знаешь... — Я поймал себя на мысли, что, в сущности, не так уж сильно и вру.

— Не гони мне! Знаю я все твои гнилые отмазки. В общем, слушай сюда: не забудь купить ром для отчима и хороший кофе.

— Да помню я, куплю, — привычно солгал я. Разумеется, я обо всем забыл. У меня из головы вылетело абсолютно всё.

— Ладно. Завтра возьмешь такси из аэропорта. Я не смогу за тобой приехать, у меня дела, — бросила она равнодушно-ледяным тоном.

— Понял. Слушай, я еще хотел сказать...

Договорить я не успел — в трубке уже раздавались короткие гудки.

Натянув черную рубашку и чистые белые шорты, я щедро брызнулся парфюмом «Tom Ford». Захватив телефон и мелкие купюры для чаевых, я спустился вниз. Желудок предательски урчал, но идти на ужин в общий ресторан категорически не хотелось. Решив, что позже перехвачу какой-нибудь бургер, я устроился за барной стойкой.

Завидев меня, Фернандо радостно расплылся в улыбке, и уже через секунду передо мной стоял высокий бокал с белым вином. Вокруг толпились изрядно подвыпившие туристы. Густой сигарный дым, стойкий запах дорогого алкоголя и зажигательная музыка создавали атмосферу непрекращающегося праздника. Я нервно озирался по сторонам: «Где же Аня?»

Часы показывали 20:20. Я уже начал всерьез паниковать, придумывая самые страшные сценарии, когда она наконец появилась.

Она вошла через центральные двери, и время словно замедлило свой ход. Роскошное белоснежное платье струилось по ее идеальной фигуре, выгодно подчеркивая золотистый загар. Густые волосы водопадом рассыпались по плечам. Она вошла, подобно лучу чистого света, и все мужские взгляды в радиусе полусотни метров мгновенно приковались к ней. Даже те, кто сидел в обнимку со своими спутницами, не могли отвести глаз от этого магнетического великолепия. Она шла с такой невероятной грацией и достоинством, что, будь на то воля мужчин, они разразились бы овациями. Такую красоту игнорировать было попросту невозможно.

Женщины провожали ее жгучими взглядами, полными зависти и невольного восхищения. А когда она подошла и встала рядом со мной, волна черной зависти обрушилась уже на меня.

— Привет, — выдохнула она и положила изящную сумочку на край стойки.

— Добрый... э-э-э... Привет. — Я окончательно растерялся, зависнув на добрые полминуты под перекрестным огнем чужих взглядов.

Она звонко рассмеялась:

— Ну ты чего? — И нежно поцеловала меня в щеку.

Это привело меня в чувство. Я галантно отодвинул для нее стул и, дождавшись, пока она сядет, опустился на соседний. Я махнул рукой Фернандо, и тот телепортировался к нам со скоростью света, неся ведро со льдом и бутылку дорогого шампанского.

— Ну что, ты готова к танцам? — спросил я.

— Конечно. А там много людей будет?

— Честно — понятия не имею, я там еще ни разу не был...

В этот момент прямо за моей спиной раздался до боли знакомый голос:

— Ола, сеньор!

Обернувшись, я увидел Картайю. Он прибыл минута в минуту.

Глава 16

— Сеньор, вы не сказали мне, что с вами будет прекрасная сеньора, — лукаво улыбнулся Картайя.

— Видишь ли, мой друг, — ответил я, по-свойски положив руку ему на плечо, — я и сам не знал, что буду не один.

Я улыбнулся и встал, давая понять, что пора выдвигаться. Часы показывали 8:45 вечера.

Мы сели в машину. Старый кабриолет натужно взревел, выпустив из глушителя облако сизого дыма.

Мы ехали по ночной Кубе; луна мягко освещала дорогу. Редкие уличные фонари тускло делились светом, и наш путь освещали лишь две слабые фары старенького «Понтиака». Запах моря и встречный ветер захватывали дух, но еще больше дыхание перехватывало от милого облика Ани. Я смотрел на нее, почти не дыша. Тонкий шлейф ее парфюма от Prada словно оставлял за нами невидимую ароматную линию на дороге. Ее волосы, собранные в пучок, растрепались на ветру, и она то и дело поправляла выбившиеся пряди. Боже, она была восхитительна.

Мы проехали минут десять. Она посмотрела на меня, положила руку мне на плечо и, приблизившись, прошептала почти в самое ухо, стараясь перекрыть шум мотора:

— Долго еще?

Я чувствовал ее запах. Да, несомненно, это были духи, но примешивался и другой аромат — ее собственный, запах страсти, запах любви...

— Картайя сказал, ехать минут пятнадцать-двадцать, — ответил я, обнимая ее за плечи.

Она прислонила голову к моему плечу. В этот момент я чувствовал, будто весь мир лежит у моих ног, и для полного счастья мне больше ничего не нужно: только море, теплый вечер, мчащийся кабриолет и она — моя Аня...

Подъехав к огромному, залитому неоновым светом зданию, Картайя остановился и проворно выскочил, чтобы открыть дверь перед Аней. У входа в клуб громко спорили люди, раздавался смех, кто-то пел. Я подошел к водителю:

— Мы побудем здесь часа два-три. Приезжай за нами к полуночи. — Я незаметно сунул ему в нагрудный карман пятидесятидолларовую купюру.

— Не переживайте, сеньор! — Картайя обрадовался как ребенок. — Я буду здесь уже через час!

Пожав ему руку, я взял Аню за талию, и мы зашли внутрь.

В клубе было сильно накурено. Резкие запахи алкоголя, пота и парфюма смешались в один густой, пьянящий аромат — аромат драйва. Свет резал пространство: красные и фиолетовые вспышки скользили по разгоряченным телам, превращая людей в мечущиеся тени.

Мы подошли к барной стойке. За ней стоял бармен лет сорока, на лице которого было крупными буквами написано, как сильно он устал от всего этого и хочет домой. Но, увидев нас, он заметно оживился; на его лице появилось подобие улыбки.

— Буэнос ночес, амигос! — сказал он и перевел взгляд на Аню.

В его глазах читались явный восторг и неприкрытая зависть ко мне. Его недоулыбка быстро трансформировалась в кривую ухмылку.

— Два мохито, пожалуйста, — бросил я и положил на стойку пятидолларовую купюру. Деньги исчезли быстрее, чем коснулись поверхности, и профессиональная улыбка вновь заиграла на лице кубинца.

Забрав коктейли, мы направились к свободному столику в стороне от танцпола.

— А тут мило, — сказала Аня, пригубив мохито.

— Да, нормально. Хоть какое-то разнообразие, — кивнул я.

— А ты умеешь танцевать? — с любопытством спросила она.

— Только медленные. Но после парочки коктейлей, наверное, смогу и что-нибудь еще.

Она улыбнулась. Музыка гремела так сильно, что нам приходилось почти кричать, постоянно наклоняясь друг к другу. Когда она подавалась вперед, глубокое декольте ее платья слегка отходило, приоткрывая идеальную грудь. Я на долю секунды задержал взгляд, но этого оказалось достаточно, чтобы она заметила. Улыбнувшись еще шире, она сказала:

— Я пошла танцевать.

В этот момент заиграла песня «Despacito». Аня встала и направилась на танцпол. Там было многолюдно: и пары, и одиночки, — никто не обращал друг на друга особого внимания. Она шла сквозь толпу в своем белом платье, как прекрасная шхуна среди рифов, словно она и была истинной королевой этого танцпола. Закинув руки за голову и приподняв волосы, она начала двигаться в такт музыке. Ее движения были настолько завораживающими и сексуальными, что я вскочил как ошпаренный. И дело было не только во внезапно вспыхнувшем влечении — просто весь мужской контингент клуба уже откровенно пялился на нее. Мне не оставалось ничего другого, кроме как подойти и недвусмысленно дать всем понять, что она со мной.

Когда я подошел, она положила руки мне на плечи, продолжая двигаться в том же ритме. Через несколько секунд она повернулась ко мне спиной и крепко прижалась. Я, только начавший неуклюже переминаться с ноги на ногу, мгновенно замер. Она чуть наклонилась вперед, и я положил руки ей на бедра. Сквозь легкую ткань платья я отчетливо ощутил контуры бикини и окончательно поплыл. Песня закончилась; она повернулась и крепко обняла меня.

Затем зазвучала «Lady in Red», и мы слились в медленном танце. Она положила голову мне на грудь. Ничего прекраснее в своей жизни я не испытывал. Когда музыка смолкла, мы вернулись к столику.

— А у тебя неплохо получается танцевать медленные танцы, — похвалила она, допивая свой коктейль.

Я поднял руку, подзывая официанта.

— А ты вообще потрясающе танцуешь всё подряд.

— Я просто очень люблю танцевать. Раньше вообще из клубов не вылезала, каждые выходные с девочками тусили. В Москве есть отличные места.

— А я не особо ходок по клубам. Больше по обычным дискотекам в свое время.

— Однажды я протанцевала всю ночь до самого утра, а потом два дня ног не чувствовала! — звонко рассмеялась она.

Я тоже улыбнулся, но в голове билась лишь одна назойливая мысль: завтра я улетаю и больше никогда ее не увижу. От этого осознания я невольно вздрогнул.

Мы болтали обо всем на свете, старательно избегая темы моего скорого отъезда, танцевали и пили коктейли. Нам было безумно хорошо вместе.

Клуб жил своей шумной жизнью. Я взглянул на часы: половина первого ночи. Аня продолжала улыбаться, но я заметил, что она устала.

— Ну что, поедem в отель или хочешь еще побыть здесь? — предложил я.

— Пошли, я устала, — согласилась она.

Мы подошли к барной стойке, чтобы выпить по последнему мохито на посошок. Внезапно из глубины зала в нашу сторону решительно направились трое парней. Один — высокий, крепко сложенный, с татуировками на руках, и двое пониже, один из которых явно перебрал с алкоголем.

Высокий на меня даже не взглянул. Он смотрел только на нее.

— Пойдешь танцевать, — бросил он тоном человека, заказывающего пиццу.

Аня не удостоила его ответом, лишь слегка повернула голову в мою сторону. Этого было вполне достаточно.

Я сделал шаг вперед, закрывая ее собой.

— Она никуда не пойдет.

Басы били по ушам, отдаваясь в груди барабанной дробью.

Пьяный криво усмехнулся:

— Слышь, герой...

Договорить он не успел. Я уже двигался. Короткий, резкий удар в корпус — и он согнулся пополам, как тряпичная кукла, выблевав всё выпитое прямо на танцпол.

Второй рванулся ко мне, но явно не рассчитал дистанцию. Я отступил на полшага, его кулак просвистел в миллиметре от моего лица, и я тут же ответил хуком в челюсть. Он отлетел назад, врезался в барную стойку, сбив на пол несколько бокалов, которые со звоном разлетелись вдребезги.

Остался только высокий. Теперь он смотрел прямо на меня. Я определенно его заинтересовал. В его взгляде не было ярости — только холодный, расчетливый анализ.

Он ударил первым. Жестко. Точно. Я почувствовал, как мир на секунду уходит из-под ног, но устоял. Во рту появился знакомый солоноватый вкус крови. В свое время мне много приходилось драться, так что ситуация не была в новинку.

И понеслось.

Он бил тяжело, я бил быстро. Я заставил его двигаться по моей траектории и в какой-то момент поймал на противоходе, сбил баланс и мощным хуком справа отправил в глубокий нокаут. Он рухнул на пол, как тяжелый мешок с зерном; звук его падения не смог заглушить даже ревуший бас динамиков.

Я вытер разбитую губу тыльной стороной ладони и обернулся к Ане. Она стояла удивительно спокойно, только глаза смотрели внимательнее, чем обычно.

— Ты в порядке? — спросил я.

Она коротко кивнула, делая невозмутимый глоток через трубочку, словно ничего неординарного только что не произошло.

— Теперь — да.

Музыка продолжала грохотать. Мы вышли на улицу. На парковке возле машины стоял Картайя, уткнувшись в экран телефона.

— Отвези нас в отель, друг мой. Вечеринка окончена, — скомандовал я, подходя к такси.

Картайя поднял глаза, увидел свежую кровь на моем лице и засуетился в два раза быстрее обычного.

Мы сидели на заднем сиденье. Я крепко обнимал Аню, а она сжимала мою ладонь, словно безмолвно благодаря за то, что я за нее вступился. Старый «Понтиак» вез нас обратно в гостиницу. Это была моя последняя ночь на Кубе. Я сжимал в объятиях свою любовь и ни о чем больше не думал...

Глава 17

По приезде в отель мы тепло попрощались с Картайей.

— Завтра в 11? — уточнил он.

— Да, мой друг, завтра в 11, — кивнул я и ободряюще похлопал его по плечу.

Мы вошли в фойе. В отеле было почти безлюдно; лишь пара подвыпивших немцев громко о чем-то спорила у лобби-бара. Я крепко держал Аню за руку. Разбитая челюсть неприятно ныла, а на костяшках пальцев ссадины саднили.

— Где ты научился так драться? — тихо спросила Аня.

— В юности приходилось уметь за себя постоять, времена были такие. Потом была секция бокса. До двадцати пяти лет занимался, потом бросил — голова стала сильно болеть после спаррингов.

Она остановилась и посмотрела мне прямо в глаза.

— Ты был великолепен.

Она шагнула ближе и поцеловала меня. В этом поцелуе смешались искренняя благодарность и обжигающая страсть. Я ответил ей, и мы крепко прижались друг к другу. Мы стояли под тусклыми фонарями; был слышен лишь мерный рокот океана да шелест пальмовых листьев на ветру.

Она отстранилась и снова посмотрела на меня.

— Мне нужно идти, — произнесла она с явной неохотой.

— Хорошо, — я отпустил ее талию. — До завтра.

— До завтра, Джон. — Она развернулась и пошла по аллее в сторону своего корпуса.

Я смотрел на ее удаляющуюся фигуру и с ужасом осознавал: она не просто уходит в номер, она уходит из моей жизни навсегда. Завтра ее уже не будет рядом...

Я подождал, пока ее силуэт почти скрылся в темноте, и с тяжелым сердцем направился к своему корпусу.

— Постой!!!

Этот нежный, но полный отчаяния крик разорвал ночную тишину. Она бежала ко мне из темноты. На ее лице было столько любви и неприкрытой боли, что я, не раздумывая, бросился ей навстречу. Она буквально запрыгнула мне на шею, и в ее отчаянных объятиях я физически ощутил всю силу тех чувств, которые она ко мне испытывала.

— Боже, почему всё так? — прошептала она мне на ухо. Ее голос звучал так жалобно и нежно, словно маленькая птичка выводила свою самую грустную мелодию.

— Милая Анечка, родная моя... — Я лихорадочно целовал ее шею, лицо, губы, и мы вновь слились в страстном поцелуе.

Мы простояли так, не размыкая объятий, минут пять. Наконец она тихо сказала:

— Мне действительно пора. — И снова пошла к своему номеру.

Я убедился, что ее хрупкая тень окончательно растворилась во мраке кубинской ночи, и побрел к себе.

Зайдя в номер и наскоро приняв душ, я первым делом открыл мини-бар. Ром со льдом — именно то, что мне сейчас было жизненно необходимо. Сделав обжигающий глоток, я тяжело опустился в кресло. Челюсть дергала тупой болью, но кровь уже не шла; губа прилично распухла, разбитые кулаки ныли.

«Боже мой, что со мной происходит? — билось в воспаленном мозгу. — Что мне теперь делать? Я же просто не смогу без нее жить. Это какое-то безумное наваждение... Ее образ выжжен у меня подкорке. Что делать?!»

Часы показывали три часа ночи. Завтра в 15:00 — рейс на Торонто. А там... Там прежняя жизнь. Мрачная, предсказуемая, до одури скучная жизнь без любви, без страсти, без моей Ани.

Я вспомнил о дочери, и на секунду стало легче. Да, мне определенно было ради кого возвращаться. Но всё же...

В этих тяжелых раздумьях я невольно закрыл глаза. Выпитый ром одурманил разум и погрузил меня в тяжелый, беспокойный сон.

Глава 18

Я проснулся от громких голосов. В коридоре переговаривались и звонко смеялись горничные. Взглянув на часы, я обмер: 8:15! Меня словно окатило ледяной водой. Я пулей вылетел из кровати и бросился в душ.

Наскоро ополоснувшись, я натянул черную рубашку с коротким рукавом и белые шорты. Мельком глянув в зеркало, отметил, что ссадина на губе выглядит не так уж страшно, хоть и неприятно ноет.

Я буквально выбежал в лобби. Зал был еще пуст; за стойкой лениво протирали бокалы Фернандо. Заметив меня, он заметно оживился.

— Доброе утро, амиго! — поприветствовал он, полностью переключив внимание на меня.

— Ола. Слушай, Фернандо, ты не видел девушку, с которой я тут постоянно сижу? — Я даже не смотрел на бармена, нервно озираясь по сторонам в надежде увидеть знакомый силуэт.

— Нет, ее сегодня еще не было. Будешь что-нибудь? Испанский кофе? — Он уже потянулся к кофемашине, но я жестом остановил его.

— Нет, просто воды дай. Обычной воды.

Мне совершенно не хотелось алкоголя. Я хотел прожить эти последние часы с Аней на трезвую голову.

Оставив бармену доллар, я направился в ресторан, отчаянно надеясь застать Аню там.

Ресторан представлял собой огромный зал с длинными рядами столов и открытыми станциями, где повара на глазах у гостей жарили мясо, рыбу, готовили пасту и пекли пиццу. Выбор блюд был не самым богатым, но при желании всегда можно было найти что-то вкусное.

Мои глаза, словно сканер, мгновенно прочесали зал. О да, она была там.

Она сидела за отдельным столиком в привилегированной секции Diamond Club. Напротив устроилась ее мама. Они о чем-то оживленно беседовали, Аня звонко смеялась. Я сел за столик неподалеку, так, чтобы постоянно видеть ее лицо. Даже ела она как-то по-особенному: не спеша, грациозно, невероятно эстетично. Заказав кофе, я смотрел на нее сквозь снующую толпу постояльцев и думал о том, какую злую шутку сыграла со мной судьба. Она подарила мне то, что казалось невозможным, но, возможно, подарила слишком поздно...

Закончив завтрак, женщины направились к выходу.

— Аня! — окликнул я и сам услышал, как предательски дрогнул мой голос.

Она резко обернулась. Галина Геннадьевна тоже. Обе удивленно посмотрели на меня. Я стоял как вкопанный.

— Доброе утро, — пробормотал я.

— Доброе утро, — вежливо ответила Галина Геннадьевна.

— Привет! — Аня просияла улыбкой. — Мамуль, ты иди, я тебя сейчас догоню.

Она подошла и нежно поцеловала меня.

— Идем на пляж, — предложила она с такой всепоглощающей грустью в голосе, что у меня всё перевернулось внутри.

— Идем. — Я обнял ее за талию, она доверчиво прижалась ко мне, и мы медленно побрели по теплому песку вдоль кромки прибоя. Я ласково гладил ее по обнаженной спине.

— Ну почему... Почему всё так сложилось? — Она посмотрела на меня, и из ее глаз ручьем хлынули слезы.

— Пожалуйста, не давай себя в обиду, — горло сжал спазм, слезы тоже покатались по моим щекам, но мне было абсолютно всё равно, увидит ли это кто-то. — Прошу тебя, не забывай меня. Помни обо мне.

— Ты тоже меня не забывай. — Она целовала мое лицо. Я чувствовал горько-соленый вкус ее слез, но сейчас не было ничего слаще.

— Обещай! — вдруг потребовала она с неожиданной резкостью. — Обещай, что мы еще обязательно увидимся!

— Обещаю, милая, обещаю. — Я рыдал как маленький ребенок, а она целовала мои закрытые глаза, слизывая бегущие слезы.

— Мы так мало знаем друг друга, но у меня чувство, будто мы прожили вместе целую вечность...

Я крепко прижал ее к груди. Она обвила руками мою шею. Воротник моей рубашки уже насквозь промок от наших общих слез. Мы стояли и плакали...

Я бросил взгляд на часы: 10:00.

— Пора собираться.

Я готов был избить себя за то, что произнес эти слова вслух.

— Хорошо. Всё, давай больше не будем плакать. Давай представим, что мы расстаемся совсем ненадолго, — она попыталась улыбнуться сквозь слезы. — Встречаемся через полчаса в лобби?

— Да.

Она подарила мне еще один долгий, прощальный поцелуй.

— Ладно, скоро увидимся. Мне нужно отвести маму к бассейну.

— Хорошо, — выдавил я. Мне не хотелось отпускать ее ни на секунду, но нужно было идти паковать чемоданы.

Она ушла, а я едва ли не бегом бросился в свой номер.

Лихорадочно побросав вещи в чемодан, я в последний раз окинул взглядом комнату, проверяя, не забыл ли чего.

Выйдя на залитую солнцем аллею, я направился к лобби-бару. Погода стояла ясная, но дул прохладный ветерок. В ветвях щебетали птицы, отель окончательно проснулся и зажил своей обычной курортной жизнью: отдыхающие смеялись, болтали, радовались каждому дню. Я же брел, низко опустив голову и глядя под ноги. Мне было физически плохо. Плохо от осознания собственного бессилия. Плохо от того, что настоящая любовь ворвалась в мою жизнь так внезапно, когда ее совсем не ждали...

Подойдя к стойке бара, я машинально заказал кофе и огляделся. Всё шло своим чередом: ленивые кубинцы за стойкой, шумные туристы, вечные ритмы сальсы из колонок.

Аня шла ко мне быстрым шагом. Глаза у нее были красными и припухшими от слез. На ней была простая белая майка и розовые шорты.

— Привет, — она снова поцеловала меня.

— Как ты? — спросил я, и мы сели за столик в фойе, прямо напротив стоянки такси.

— Я всё утро проплакала. Мама уже всерьез волнуется, она меня в таком состоянии никогда не видела.

Я заметил, что от сквозняка ее кожа покрылась мурашками. Достав из сумки свою легкую ветровку, я накинул ей на плечи:

— Надень, здесь прохладно.

Она закуталась в куртку. Я заказал шампанское и попросил официанта поторопиться, сославшись на скорый отъезд.

Выпив, мы просто молча смотрели друг на друга.

— Я никогда в жизни не испытывала подобных чувств. Никогда, — тихо призналась она.

— Я тоже. Прошу тебя, береги себя. Пожалуйста.

— И ты береги себя. — Она снова тихо заплакала.

— Ну всё, всё, не надо. — Я пытался ее успокоить, хотя сам чувствовал, как выгораю изнутри. — Давай договоримся, что мы обязательно еще когда-нибудь встретимся. — Я нежно целовал мокрые дорожки на ее щеках.

— Да, обязательно. Мы непременно увидимся.

— Тогда перестань плакать, у тебя уже глаза совсем красные. Давай лучше сфотографируемся на память. — Я достал смартфон. — Подожди, надень мои солнечные очки, а то видно, что ты плакала.

Она послушно надела темные очки, и я попросил проходившего мимо охранника сделать несколько снимков.

— Мне пора. — Я увидел, как к центральному входу подъезжает розовый «Понтиак» Картайи.

— Я не хочу... не хочу, чтобы ты уезжал! Господи, ну почему всё так?! — Она снова сорвалась на глухие рыдания.

Я был абсолютно сломлен. Мозг диктовал, что нужно уезжать, а сердце в кровь разрывалось, умоляя остаться. Собрав всю волю в кулак, я в последний раз крепко поцеловал ее и твердо сказал:

— Мы еще увидимся. Я это точно знаю. Пока, милая моя Аня.

— Я буду тебе писать, — пообещала она, немного успокоившись, и вернула мне куртку и очки.

— И я тебе...

Я в последний раз сжал ее холодные ладони и решительно направился к ожидающему такси.

— Здравствуйте, сеньор, — поздоровался Картайя. Он, казалось, всё понимал и был непривычно серьезен и молчалив.

— Привет, друг. Поехали в аэропорт.

Мы тронулись. ОТЕЛЬ оставался позади, фигурка Ани стремительно уменьшалась в зеркале заднего вида. Я смотрел на нее до тех пор, пока мы не свернули на трассу.

Всё было кончено.

Глава 19

Я даже не запомнил, как проходил таможенный досмотр. Всё происходило на каком-то жутком автопилоте: вокруг мелькали люди-тени, размытые силуэты, а я лишь механически отвечал «да» или «нет» на стандартные вопросы. Сердце разрывалось на части, оно кричало, звало назад: «Не уходи! Останься! Это же любовь, настоящая, слышишь?!»

Окончательно в себя я пришел, только когда оказался в кресле самолета. Мне досталось место у прохода, и это радовало — не люблю беспокоить соседей, когда нужно выйти.

Стюардесса дежурно демонстрировала правила безопасности, но я ничего не видел и не слышал. Все мои мысли были только о ней. На прощание Аня отдала мне свой наполовину использованный флакон парфюма. Я вдыхал этот родной аромат, и мне казалось, что она сидит рядом, а ее нежный голос звучит прямо в ушах...

Я опустил голову на откидной столик и обхватил ее руками. Что мне теперь делать? Как жить дальше? Моя жизнь уже никогда не будет прежней. В ней появилось место для настоящей, всепоглощающей любви, и теперь я стоял на распутье, не зная, куда повернуть.

Я словно окунулся в совершенно новый, неизведанный мир. Будто принял крещение в ледяной реке, будто сам Бог даровал мне нечто святое, недоступное большинству людей. Любовь переплеталась с диким волнением, липким страхом, чувством безысходности и глухим отчаянием. И только сейчас, в свои сорок лет, я осознал: самое мощное, сокрушительное чувство во Вселенной — это любовь.

Всю жизнь я гнался за деньгами, стабильностью, комфортом и семейным уютом. Но всё это время оставался абсолютно пустым. Я был пуст, как высохший колодец — без искренних эмоций, без обжигающей страсти. Как корабль без команды, как бокал без терпкого вина, как быющее сердце без любви.

Я снова и снова перелистывал в телефоне наши немногочисленные совместные фотографии, отчетливо понимая, что лечу в бездонную пропасть. В сладкую, манящую пропасть, в которую я падаю по собственной воле. Так, практически не меняя позы, я просидел все четыре часа полета, лишь изредка привставая, чтобы пропустить соседей в туалет.

Торонто встретил меня промозглым дождем и пронизывающим ветром. Город казался чужим, враждебным и неприветливым. Пройдя паспортный контроль, я наконец-то выбрался из терминала и сел в такси.

Капли дождя чертили на стекле длинные извилистые дорожки. Я смотрел сквозь них на серые улицы, но видел лишь ее лицо. Она ехала со мной, по ту сторону мокрого стекла, и ласково улыбалась.

«Я долетел. Еду в такси», — набрал я сообщение в Telegram, не отрывая взгляда от ее фотографии на экране.

Через минуту пришел ответ:

«Хорошо. Пытаюсь читать книгу, но не могу сосредоточиться. Все мысли только о тебе».

Я: *«Я тоже постоянно думаю о тебе».*

Она: *«Мне так плохо без тебя...»*

Я: *«Я не могу и не хочу жить без тебя».*

Она: *«Знаешь, со мной никогда в жизни такого не было».*

Я: *«Со мной тоже».*

Она: *«Это и есть любовь?»*

Я: *«Да. Настоящая».*

Она: *«Мне кажется, сильнее любить просто невозможно. Это предел. Дальше только смерть».*

Я: *«Я чувствую то же самое».*

Мы отправили сообщения одновременно:

«Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ».

Долгая пауза...

Она: *«Боже, что же это такое?!»*

Я: *«Наверное, это судьба».*

Она: *«Сколько тебе еще ехать?»*

Я: *«Минут пять».*

Она: *«Напишешь, как освободишься?»*

Я: *«Обязательно».*

Она: *«Целую тебя».*

Я: *«И я тебя».*

Такси затормозило у до боли знакомого подъезда. Моя прежняя, опостылевшая жизнь больно кольнула под ребро.

Я поднялся на свой этаж и минут десять тупо стоял перед закрытой дверью.

«Боже, что происходит? Что мне теперь делать?»

Собравшись с духом, я негромко постучал...

Через несколько секунд дверь распахнулась. На пороге стояла Света. На ней была бесформенная, растянутая футболка, служившая ей ночнушкой. Невысокая, полноватая, с неаккуратными русыми волосами и нелепым перманентным татуажем на глазах — в этой домашней одежде она выглядела откровенно неряшливо. На ее лице читалось странное выражение: смесь самодовольства и предвкушения грандиозного скандала, который, судя по всему, мне предстояло пережить.

— Привет, — глухо сказал я, переступая порог.

— Тише ты, ребенка разбудишь! Иди сразу в ванную, не хватало еще, чтоб ты какую-нибудь кубинскую заразу в дом притащил! — прошипела она.

Я по привычке потянулся, чтобы обнять ее, но она с нескрываемым презрением оттолкнула мои руки.

— Завтра поговорим! — отрезала она, развернулась, ушла в спальню и демонстративно захлопнула за собой дверь.

Приняв душ, я прошел в гостиную. На диване уже была постелена постель. Я лег и тут же почувствовал вибрацию телефона.

Она: *«Привет!»*

Я: *«Привет».*

Она: *«Ты уже лег?»*

Я: *«Да».*

Она: *«Я тоже. Мама уже спит»))»*

Я: *«Я так хочу тебя увидеть».*

Она: *«И я. Очень сильно. Хочу, чтоб ты меня крепко обнял».*

Я: *«Хочу целовать тебя всю».*

Она: *«Боже, как же это больно... Расстаться вот так, даже не успев толком узнать друг друга».*

Я: *«У меня чувство, что я знаю тебя вечность».*

Она: *«Милый мой, любимый, как же я хочу быть с тобой...»*

Я: *«Я тоже, Анечка. Очень хочу».*

Она: *«Ладно, давай завтра поговорим, а то я мешаю мамасите спать»))) Спокойной ночи!»*

Я: *«Спокойной ночи».*

Она: *[эмодзи сердечка]*

Я: *[эмодзи сердечка]*

Я пролежал без сна еще около получаса. Думал о ней, бесконечно пересматривал наши фотографии и мучительно пытался понять, как мне жить дальше...

Глава 20

Аня с тоской смотрела вслед удаляющемуся розовому кабриолету. Она отчетливо понимала: сейчас уезжает ее любовь, уходит, так толком и не успев раскрыться. Она неподвижно стояла у входа в фойе с пустым бокалом в руке, вглядываясь в пыльную кубинскую дорогу.

Внезапно зазвонил телефон. На экране высветилось имя: Андрей.

«Господи, ну почему именно сейчас?» — с досадой подумала Аня и неохотно нажала кнопку ответа.

— Алло.

— Привет, зайка. Как дела? — голос в трубке звучал ласково, но с явными властными нотками. — Почему ты мне уже второй день ничего не пишешь?

— Андрюш, ну я же знаю, как ты занят. А я тут с мамаситой отдыхаю. Да и связь на этой Кубе просто ужасная, сам понимаешь, — Аня развернулась и медленно побрела в сторону лобби-бара.

— Ну и как вам отдых? Как море? — в голосе Андрея проскользнул легкий упрек.

— Да как... Как обычно. Только прохладно очень, и океан холодный. Я почти и не купалась. — Подойдя к стойке, Аня жестом попросила бармена налить ей бокал шампанского.

— Понятно. Значит, смотри: я доделал те шкафчики, теперь нужно выбрать ручки. Я скинул тебе фотографии в мессенджер. Посмотри и скажи, какие больше нравятся. — Его тон мгновенно изменился, стал деловым и увлеченным.

«Господи, какие к черту ручки? Какие шкафчики?!» — мысленно взвыла Аня, но вслух произнесла:

— Да, конечно, обязательно посмотрю. Только чуть попозже, мне сейчас нужно маму к бассейну отвести. — Хотя Галина Геннадьевна уже давным-давно обосновалась на шезлонге.

— Хорошо, котенок. Вот только я одного не пойму: ты же вроде на Мальдивы лететь собиралась? Сдалась тебе эта Куба? — усмехнулся он.

«Еще как сдалась...» — пронеслось в голове у Ани.

— Ну, во-первых, здесь значительно дешевле. А во-вторых, на Мальдивах я и в прошлом году была, — она сделала глоток шампанского и с нежностью погладила плетёный браслет, который Джон подарил ей на прощание.

— Ладно, лапуля. Жду тебя в Москве. И не забудь про ручки! Пока.

— Пока. — Связь прервалась. Аня залпом допила вино и направилась к зоне бассейна.

Галина Геннадьевна безмятежно возлежала на шезлонге под широким зонтом. На пластиковом столике рядом стоял недопитый бокал шампанского, а из портативной колонки JBL негромко лилась песня «Ялта, парус».

Аня со вздохом опустилась на соседний лежак.

— Мамуль, ты спишь? — грустно спросила она.

— Да, как же, уснешь тут с тобой! — Галина Геннадьевна рассмеялась, приподнялась на локте и внимательно посмотрела на дочь. — Анечка, девочка моя, что же ты делаешь?

— А что я делаю? — Аня с вызовом посмотрела на мать.

— Ну, ты же умная женщина и прекрасно понимаешь, что всё это бессмысленно. Ты зря изводишь себя. Во-первых, он иностранец и жить в Россию не поедет. А во-вторых, ты тоже всё здесь не бросишь и никуда не уедешь. Вот и вся математика, — она сделала глоток шампанского. — Ну ведь понимаешь же?

— Понимаю, мам... Всё я понимаю. Но я ничего не могу с собой поделать! Я влюбилась, понимаешь? Очень сильно влюбилась!

— Ты давай-ка прекращай это дело. У тебя здесь серьезная работа, статус. Андрей, в конце концов! Посмотри, он же все проблемы за тебя решает, всё для тебя делает. Ты за ним

как за каменной стеной! А теперь представь на секунду: что будет, если он обо всем узнает?! — Галина Геннадьевна произнесла это с такой неподдельной тревогой, что Ане стало не по себе.

— Мам, ну перестань! Ты же сама знаешь, как Андрей ко мне относится. У него какая-то своя, большая любовь ко мне.

— Больная, не больная — какая разница! Зато пока ты с ним, ты надежно защищена от любых проблем, — мать посмотрела на нее ласково, но строго. — Ну, доча, опомнись! Ты же не ради мимолетных романов столько лет свою жизнь по кирпичику выстраивала.

— А может, именно ради этого? Ради настоящей любви? — У Ани по щекам покатались крупные слезы.

— Анечка, родная моя, послушай меня и успокойся, — Галина Геннадьевна мягко взяла дочь за руку. — Оставь ты всё это на Кубе. Вот вернешься в Москву, втянешься в работу, и тебя быстро отпустит. Да, он хороший, видный мужчина, не спору. Но это тупик, Аня. Выхода из него нет.

— Ладно, — Аня тяжело вздохнула и вытерла слезы. — Давай больше не будем об этом. Пошли переоденемся и сходим в ресторан, а то я что-то проголодалась.

Они молча направились к своему корпусу. Галина Геннадьевна — с тяжелой тревогой на сердце, а Аня — с сердцем, переполненным любовью.

ЧАСТЬ 2

Перед любовью бессильны мечи, бессильны богатства, а власть просто бессмысленна.

Глава 21

Стены из темного дерева были отполированы до блеска. Казалось, они впитали в себя разговоры и судьбы былых лет — именно в таких кабинетах когда-то решались судьбы людей и целой страны. В углу стоял массивный старый сейф, еще времен Союза. На стене висела карта Москвы и Подмосковья, испещренная тонкими линиями и метками, больше похожими на запутанные охотничьи тропы.

За столом сидел генерал-лейтенант — мужчина лет шестидесяти пяти с серебристо-седыми волосами, аккуратно зачесанными назад. У него были правильные черты лица, высокий лоб, прямой нос и выразительные светло-серые глаза с серьезным, сосредоточенным взглядом.

Он смотрел в документы и мерно барабанил пальцами по столешнице. На столе царил идеальный военный порядок: папки, ровно сложенные по углам, тяжелая стеклянная пепельница, дисковый телефон и зеленая лампа из шестидесятых.

Генерал Андрей Иванович Кречетов был заядлым охотником практически во всем. Он умел слушать не перебивая и почти всегда заранее знал, где у собеседника слабое место. Он смотрел сквозь людей, будто брал их на мушку.

На стене висело чучело ястреба: птица застыла в вечном броске с открытым клювом. Ее стеклянные глаза были чем-то неуловимо похожи на глаза генерала. Между ними действительно ощущалось родство — генерал тоже жил в этом вечном броске, только его добычей были не лесные звери, а люди, секретная информация и чужие ошибки. Он умел ждать. Он всегда шел по следу, даже если тот почти остыл. И самое опасное — он никогда не стрелял мимо.

Оторвав взгляд от бумаг, он откинулся на спинку большого кожаного кресла.

«Что с ее голосом? Она никогда так раньше не говорила...»

Андрей Иванович отлично разбирался в людях — это была его профессиональная обязанность. Генерал ФСБ не имел права на ошибку и почти никогда не ошибался.

Он снял телефонную трубку и набрал внутренний номер:

— Сергей, зайди, — коротко бросил он.

В дверь негромко постучали. В кабинет вошел высокий мужчина в штатском. Ему было около сорока, густые черные волосы только начали серебриться сединой. Атлетичная фигура безошибочно выдавала человека, серьезно увлекающегося единоборствами: волевое лицо, прямой нос, четко очерченные губы. Взгляд — цепкий и абсолютно покорный. Это был адъютант и по совместительству личный водитель генерала, Сергей Михайлович Березин. Он мягко подошел к столу, но шаги его тяжелого тела все равно прозвучали, словно набат, в плотно изолированном кабинете.

— Вызывали, Андрей Иванович? — Он замер, готовый к любым приказам.

— Сережа, ты вот что... Сходи-ка в отдел прослушки, найди майора Сенцова и скажи, что мне нужна полная детализация и вся переписка во всех соцсетях вот с этого номера. — Генерал быстро набросал цифры на краешке листа и протянул ему.

— Слушаюсь, товарищ генерал. — Сергей уже развернулся, чтобы уйти, но Андрей Иванович добавил:

— Слушай, Сереж, помоги мне на выходных шкафчики собрать в новой квартире.

Генерал не любил лишних предисловий, он просто озвучивал свои желания как факт.

— Так точно. Когда подъехать? — Сергей вопросительно посмотрел на шефа. В самой глубине его глаз мелькнула искра затаенной радости: он снова сможет увидеть ее.

— Завтра вечером. Приезжай, поработаем, выпьем водочки, отдохнем от суеты, — сказал генерал и вновь уткнулся в документы, давая понять, что разговор окончен.

— Слушаюсь, Андрей Иванович.

Сергей вышел из кабинета и чеканным шагом направился по коридору в сторону технического отдела. На ходу он развернул бумажку с номером, резко остановился и оцепенел.

Это был телефон Ани.

Он знал эти цифры наизусть. Вот уже семь лет он был тайно, безнадежно в нее влюблен. Она была его недостижимой мечтой: горячая, красивая, умная, совершенно уникальная. И если бы не пугающая фигура генерала, он давно бы во всем ей признался. Сергей всегда украдкой наблюдал за ней, когда привозил шефа на квартиру, особенно если она ходила по-домашнему: в коротких шортах или легком шелковом халатике. Он просто желал ее — первобытно, позвериному, много раз в ярких красках представляя, как овладевает ею, и в то же время любил до полного изнеможения.

«Зачем ему понадобилась прослушка? Что случилось? Неужели Аня ему изменяет? Но если она изменяет ему, значит, она предает и меня...»

Нервно поиграв желваками, Сергей решительно двинулся дальше. Зайдя в приемную технарей, он бросил дежурному лейтенанту:

— Сенцов у себя?

Лейтенант прекрасно знал, кто такой Березин, и мгновенно вскочил:

— Так точно, у себя, товарищ подполковник! — по уставу отчеканил он.

— Доложи, — коротко велел Сергей и, не дожидаясь ответа, распахнул дверь кабинета.

За столом сидел лысеющий майор и лениво листал ленту в смартфоне. Перед ним стояли открытая банка красной икры, нарезанный черный хлеб и сало.

— А, Сергей Михайлович! Какими судьбами? — Сенцов отрезал кусок буханки и щедро зачерпнул икру ложкой.

— Личная просьба от Андрея Ивановича. — Сергей тяжело опустился на стул напротив. Сенцов жестом предложил угощаться, но подполковник брезгливо мотнул головой.

— Понимаю, — с набитым ртом улыбнулся Сенцов. — А официальный приказ есть? — Его ехидная ухмылка начала не на шутку раздражать Березина.

— Я же сказал: это личная просьба. — Сергей положил на стол бумажку с номером.

— Без приказа, Сережа, не могу. Не по уставу. Извини, сам знаешь — у меня свое начальство. Узнают — мне потом по шапке прилетит.

Он самодовольно улыбнулся и откусил бутерброд. Парочка икринок шлепнулась прямо на край какого-то официального документа. Поморщившись, Сенцов небрежно смахнул их пальцем на салфетку.

— По шапке, товарищ майор, тебе прилетит от жены. Когда она узнает, что по пятницам вечером у тебя не футбол с коллегами, а шмара с Кутузовского, у которой неизвестно откуда вдруг появилась шикарная квартира и новенькая «Ауди». — Сергей медленно поднялся. — Позвонишь, как только всё сделаешь.

Он развернулся и вышел. Побледневший Сенцов так и остался сидеть за столом, судорожно оттягивая воротник форменной рубашки, словно галстук вдруг начал его душить.

Сергей вышел на улицу. Погода стояла омерзительная: мокрый, колючий снег лип к пальто и таял на разгоряченном лице. По пути к парковке он напряженно размышлял.

«Что же такое произошло? Да, она молодая, горячая, ей наверняка хочется разнообразия. Но, зная Андрея и его безграничные, пугающие возможности, как она могла быть настолько неосторожной? Или ей уже просто на всё плевать?»

Подойдя к стоянке, он сел в черный джип «Grand Cherokee» и подогнал машину к центральному входу управления. Через пять минут из тяжелых дубовых дверей вышел генерал и опустился на заднее сиденье.

— В Министерство, Сережа. Потом можешь ехать домой, машина мне сегодня больше не понадобится. Вечером я возьму такси.

— Так точно, Андрей Иванович, — ответил Сергей, плавно вливаясь в плотный поток на шоссе.

— Ты заходил к Сенцову?

— Да, был у него. Всё будет сделано в лучшем виде. — Сергей поймал в зеркале заднего вида жесткий взгляд шефа.

— Это хорошо. Мы их всех на чистую воду выведем, Сережа. Всех до единого.

Откинувшись на спинку сиденья, генерал углубился в чтение сводок новостей на смартфоне. Тяжелый джип неспешно катился по Тверской, а история уже начинала принимать весьма неожиданный и опасный оборот.

Глава 22

Я проснулся от того, что в комнате резко вспыхнул свет. На часах было ровно семь утра.
— Привет, пап! — Ленка с разбегу запрыгнула на кровать и бросилась мне на шею. — Ты мне что-то принес?

— Да, солнышко папино, смотри, — я с улыбкой достал из сумки сувениры, которые купил для нее на Кубе.

Я смотрел на дочь и отчетливо понимал, что она — главный смысл моей жизни. Но как же невыносимо больно было разрываться между ней и внезапно обрушившейся на меня любовью.

— Ну, рассказывай, как отдохнул. Много баб накрутил? — Света сидела за туалетным столиком и смотрела на меня так, словно я был серийным убийцей.

— О чем ты говоришь? Какие бабы? Прекращай. Нормально отдохнул. Океан был холодный, так что купался я мало. — Я поднялся и прошел на кухню, чтобы налить себе чаю. — А вы тут как? Чем занимались без меня?

— Ничем. Я смертельно устала этого ребенка туда-сюда возить. Школа, пианино, гимнастика... А ты там себе на Кубе прохлаждаешься.

Она уже начинала заводиться по привычному сценарию, хотя мы еще летом четко договаривались, что мне жизненно необходим этот отпуск.

В этот момент в кармане домашних шорт настойчиво завибрировал телефон.

Я постарался не подать вида и сделал большой глоток горячего чая. Света подозрительно прищурилась, подошла ко мне вплотную и заглянула прямо в глаза.

— Ты какой-то не такой. Что случилось? Ты что, влюбился, что ли?! Говори! — Она сверлила меня таким взглядом, будто сканировала душу.

Телефон в кармане продолжал вибрировать от непрерывного потока сообщений. Она знала меня двадцать лет, и для нее не составляло никакого труда заметить во мне малейшие перемены.

— Хватит нести чушь! Я просто еще не пришел в форму. Сама знаешь, после отпуска мне всегда тяжело возвращаться в рабочий ритм. — Я отодвинулся и сел за стол.

— Смотри, Джонни. Если я узнаю, что ты что-то мутишь на стороне, разговор будет очень коротким. — Она резко развернулась и ушла в спальню к Лене.

Дождавшись, пока за ней закроется дверь, я с колотящимся сердцем вытащил телефон.

Аня: *Доброе утро, солнышко.*

Аня: *Ты проснулся?*

Аня: *Набери мне.*

Аня: *Я на нашем месте, очень скучаю.*

Убедившись, что Света не возвращается, я быстро набрал ответ.

Я: *Доброе утро. Только проснулся. Как у тебя дела? Я тоже скучаю.*

Аня: *Привет) Ну как ты?*

Я: *Нормально, но дома жуткое напряжение.*

Аня: *Я скучаю. Очень сильно.*

Я: *И я скучаю, Ань.*

Аня: *Я завтра вылетаю в Москву. Сегодня хотели поехать с мамой в Гавану на экскурсию.*

Я: *Прикольно.*

В коридоре послышались тяжелые шаги. Я мгновенно заблокировал экран и уставился в выключенный телевизор. Света заглянула в кухню и посмотрела на меня как на умалишенного:

— Ты больной?

— Я думаю, — ляпнул я первое, что пришло в голову.

— Да? И о чем же это, интересно? — Она вцепилась в меня мертвой хваткой бульдога. Ее напор был настолько удушающим, что я нервно вскочил.

— О работе! Накопилась куча проектов, сроки горят, а у меня катастрофически нет времени!

Я вышел на застекленный балкон. Света последовала за мной по пятам. Телефон в кармане предательски завибрировал снова.

— Что-то ты мутишь, Джон, и мне это категорически не нравится. Понял?

— Да отстань ты от меня наконец! Дай просто прийти в себя после перелета, — раздраженно бросил я. Мне нестерпимо хотелось побыть одному.

Света фыркнула и ушла обратно в спальню. На улице стоял лютый мороз, столбик термометра опустился до минус двадцати пяти. Я быстро оделся в прихожей. Услышав шорох молнии, Света выскочила из комнаты.

— Ты куда собрался?! — в ее голосе снова зазвенела неприкрытая ярость.

— Нужно заправить машину и заскочить к Джеко. Он просил помочь с одним срочным делом.

— Когда вернешься?

— Через час-полтора. Пока. — Я захлопнул дверь.

Руки тряслись. Я совершенно не понимал, что со мной происходит. Быстро спустившись в подземный паркинг, я забрался в свой пикап «Dodge Ram». Запустив тяжелый двигатель, сразу же достал телефон.

Аня: *Сегодня вечером будет интересное шоу.*

Аня: *Я у басика с мамой.*

Аня: *Мы не поедem в Гавану, передумали.*

Аня: *А ты как там?*

Я вывел пикап из гаража на заснеженную улицу и только после этого напечатал ответ.

Я: *Я норм, еду по делам. Скучаю.*

Аня: *Я тоже. Очень.*

Я: *Хочу тебя увидеть. Безумно хочу.*

Аня: *А я как сильно, боже мой...*

Я: *Люблю тебя, солнышко.*

Аня: *И я тебя люблю.*

Аня: *А ты можешь сейчас говорить?*

Я: *Да.*

Тут же раздался звонок по видеосвязи. Я переключил звук на автомобильные динамики.

— Привет... — Ее голос звучал так нежно и обволакивающе, что я от нахлынувших чувств нечаянно вдавил педаль газа, и мощный пикап резко рванул вперед.

На экране телефона Аня лежала в шезлонге у бассейна. На ней был ослепительно-белый купальник и солнцезащитные очки; на пластиковом столике рядом покоилась книга и недопитый бокал шампанского.

— Привет, Анечка. Что делаешь? — задал я банальный вопрос.

— Загораю, что же еще, — она лучезарно улыбнулась. В этой улыбке было столько красоты и искреннего тепла. Господи, как же мне этого не хватало! — А еще я постоянно думаю о тебе. И реву, — она печально посмотрела в камеру.

— Мне тоже очень плохо без тебя, родная. Я так хочу быть рядом. — Я включил «аварийку» и припарковался у обочины. Приоткрыв окно, я впустил в салон ледяной канадский воздух, слегка остудив воспаленный мозг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.